

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ КНИГИ.

Въ началѣ этой книги Сократъ возвращается къ сужденію *о поэтахъ*, о которыхъ говорилъ въ книгахъ второй и третьей, и изслѣдывая этотъ предметъ съ большею точностію, обстоятельно показываетъ, что родъ поэзіи подражательной въ государствѣ терпимъ быть не долженъ. Возвращеніе философа къ разсматриванію этого вопроса никому не покажется страннымъ, кто припомнитъ, что поэты въ вѣкъ Платона имѣли огромный авторитетъ и что, по понятію современниковъ, вся мудрость заключалась въ ихъ изреченіяхъ. Поэтому, желая утвердить и защитить свое ученіе о добродѣтели и нравственности, Платонъ долженъ былъ показать, что истинная мудрость изъ того источника не почерпается. И это, по объясненіи природы души, по раскрытіи различныхъ пожеланій и родовъ удовольствія, ему можно было сдѣлать лучше. Чтобы виднѣе было, почему поэзія подражательная въ наилучшемъ обществѣ нетерпима и неспособна руководить къ истинной мудрости, Сократъ считаетъ нужнымъ взять это дѣло нѣсколько выше. Но, чтобы къ его разсужденію не примѣшать чего-нибудь своего, посмотримъ, какимъ образомъ разсуждаетъ онъ самъ.

Можно различать *три рода предметовъ*, говоритъ онъ: первый родъ заключаетъ въ себѣ вѣчные образцы, или идеи вещей; второй содержитъ вещи чувствопостигаемыя и составленныя по подобію тѣхъ образцовъ; третій объемлетъ изображенія вещей, относящихся къ другому роду, какъ, на примѣръ, статуи, картины и другіе предметы, отдѣланныя искусствомъ по подобію вещей чувствопостигаемыхъ. Первый изъ этихъ родовъ содержитъ въ себѣ то, что истинно существуетъ; другой—то, что суще-

ствованія истиннаго не имѣтъ; третій отъ того, что само въ себѣ истинно, весьма далека, потому что занимается подражаніемъ вещамъ скоропреходящимъ и измѣняющимся. Если же таково различіе этихъ родовъ, то нѣтъ сомнѣнія, что различно и происхожденіе ихъ. Именно—творецъ перваго рода есть Богъ, котораго можно назвать *φύσιουργός*; втораго—*δημιουργός* или художникъ; а третій производится *μιμητῆς*, или подражателемъ. Такъ, безусловный видъ скамьи, *ιδέα* единичная и простая, получилъ бытіе отъ Бога; скамьи отдѣльныя, употребляющіяся у людей, построены мастеромъ, или *κλινοπιτῆς*; а этимъ потомъ уже подражаетъ живописецъ и рисуетъ ихъ на картинѣ. Отсюда видно, что всякое подражаніе отъ истиннаго самого въ себѣ отстоитъ на три степени; а потому и поэтъ, занимающійся подражаніемъ, никакъ не касается и не представляетъ истины; слѣдовательно, поэта-подражателя никакъ нельзя почитать учителемъ ея. Р. 595—598 D.

Это самое можетъ быть доказано и на *другихъ основаніяхъ*. Еслибы поэты-подражатели имѣли истинное и обстоятельное знаніе тѣхъ вещей, которыя выражаютъ подражаніемъ, то, конечно, почитали бы большею для себя честію производить тѣ самыя вещи, чѣмъ подражать имъ. Но эти добрые люди, толкуя и о медицинѣ, и о земледѣліи, и о государственномъ управленіи, и о распоряженіяхъ военныхъ, и о другихъ многихъ вещахъ, сами ничего такого не дѣлаютъ. А изъ этого видно, что ихъ искусство имѣетъ характеръ только забавы, придуманной для увеселенія; а наука истины для него—дѣло стороннее. Неприложимость искусства ихъ къ дѣлу открывается изъ самаго свойства ихъ стихотвореній о предметахъ другихъ искусствъ. *Всякое дѣло находится въ отношеніи къ тремъ искусствамъ*: одно пользуется имъ, другое совершаетъ его, третіе подражаетъ ему. Но кто пользуется дѣломъ, тотъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ о немъ совершеннѣйшее понятіе, и это понятіе сообщаетъ художнику, какъ долженъ онъ произвестъ требуемое дѣло. Такъ, напримѣръ, флейтистъ учитъ мастера, работающаго флейты, какъ долженъ онъ устроить флейту, чтобы тотъ могъ пользоваться ею. Поэтому, мастеру, поколику онъ судитъ о совершенствахъ и недостаткахъ дѣла, слѣдуетъ приписать правую *вѣру*; потому что

его осужденіе основывается на авторитетѣ знатока. *Знаніе* же мы приписываемъ единственно тому, кто благоразумно пользуется тѣмъ орудіемъ и въ совершенствѣ знаетъ его природу. Но что надобно думать о подражателѣ? Скажемъ ли, что онъ чрезъ самое употребленіе вещей пріобрѣтаетъ познаніе о томъ, что выражаетъ подражаніемъ? или, чрезъ обращеніе съ людьми, знающими дѣло, доходитъ, можетъ быть, до вѣрнаго о немъ *мнѣнія*? Но нельзя сказать о немъ ни того, ни другаго, ни третьяго. Свою подражательность онъ направляетъ къ тому, что кажется прекраснымъ безсмысленной народной толпѣ. Итакъ, ясно, что пока его занятія вращаются въ предѣлахъ подражанія, онъ ничего обстоятельно не знаетъ о томъ, чему подражаетъ; а потому его подражаніе относится не къ точной наукѣ, а къ роду занятій шуточныхъ и увеселительныхъ. Р. 598 E—602 B.

Поэзія, занимающаяся подражаніемъ, *нисколько не способствуетъ и къ образованію нравовъ*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надобно внимательно разсмотрѣть, которую часть души упражняетъ она,—худшую, или превосходнѣйшую. Она представляетъ намъ людей, или возбуждаемыхъ къ чему-нибудь насильственно, или дѣйствующихъ по своей волѣ, и притомъ такъ, что тѣ люди либо надѣются чего-нибудь хорошаго, либо боятся чего-нибудь худаго, и потому либо скорбятъ, либо радуются. Но въ такомъ родѣ дѣятельности, душа нисколько не наслаждается спокойствіемъ, а напротивъ, силою различныхъ мнѣній, беспокойныхъ движеній и столкновеній влечется туда и сюда; тогда какъ мудрецъ, волненія души укрощая силою ума, случайности фортуны будетъ переносить ровнѣе и никогда не потеряетъ мужества и постоянства. Равнодушіе и постоянство мудреца не представляютъ пріятнаго разнообразія: напротивъ, такъ называемое *τὸ ἀγαπητικόν* никогда не бываетъ постоянно и сильно забавляетъ людей своимъ разнообразіемъ. Поэтому-то большею частію и бываетъ, что поэты-подражатели, чтобы угодить толпѣ, направляютъ свое подражаніе къ выраженію того возмущеннаго и мнѣняющагося состоянія нравственности. Итакъ, поэзія, занимающаяся подражаніемъ, благопріятствуетъ особенно худшей части души, и не только возбуждаетъ ее, но и питаетъ и укрѣпляетъ, а лучшую и превосходнѣйшую, то-есть разумную, ослабляетъ и унижаетъ;

такъ что иногда люди даже и отличные, рассматривая сильныя душевныя волненія, изображаемыя поэтами, мало-по-малу до того привыкають къ нимъ, что потомъ едва могутъ обуздывать ихъ и въ самихъ себѣ. Если же это справедливо, то слѣдуетъ, что въ общество не должно принимать той похотливой музы, по принятіи которой, будутъ господствовать въ немъ не законъ и умъ, а удовольствія и огорченія. Впрочемъ, чтобы не показаться несправедливыми, поддерживая древнюю вражду между философіею и поэзіею, мы предоставляемъ друзьямъ этого занятія защищать его; сами же считаемъ совершенно доказаннымъ, что надобно быть крайне осторожнымъ, какъ бы поэзія не произвела вреднаго вліянія на внутреннее наше общество. Сдѣлаться человѣкомъ добрымъ и мудрымъ—дѣло великое; и весь успѣхъ этого дѣла зависитъ отъ того, честенъ ли ты или нѣтъ. Поэтому надобно стараться, чтобы ничто не отвлекало насъ отъ справедливости и прочихъ добродѣтелей. Р. 602 С—608 В.

Изложивъ это, Сократъ возвращается къ оставленной имъ нити бесѣды и учитъ, что справедливости предназначены величайшія награды не только въ настоящей жизни, но и по смерти: потому что жизнь не ограничивается тѣми тѣсными предѣлами, которыми обыкновенно измѣряють ее; *человѣческая душа безсмертна и никогда не погибнетъ*. Это положеніе Сократъ доказываетъ тѣмъ, что въ душѣ нѣтъ ничего, что могло бы угрожать ей разрушеніемъ. Сущность этого доказательства состоитъ въ слѣдующемъ. Можно различать два рода вещей, говоритъ Сократъ: однѣ изъ нихъ добрыя, другія—злыя. Добрыя вещи—тѣ, которыя, находясь въ чемъ-нибудь, сохраняють то, въ чемъ находятся; а злыя—тѣ, которыя служатъ причиною разрушенія того, чему онѣ присущи. Но все погибающее побѣждается собственнымъ своимъ зломъ; ибо быть не можетъ, чтобы что-нибудь разрушалось отъ зла чужаго. Итакъ, если мы найдемъ какую-нибудь природу, которая отъ собственного своего зла становится хотя и худшею, однакожь совершенно не уничтожается; то можемъ правильно заключить, что она не погибнетъ и будетъ безсмертна. Зло души есть несправедливость, неразумность, нерадѣніе, несмысленность. Но никто не докажетъ, чтобы всѣ эти виды зла имѣли силу уничтожить душу: они хо-

тя и дѣлаютъ ее худшею, но не уничтожаютъ. Да и опытъ не показываетъ, что несправедливый, приближаясь къ смерти, наодится на высшей степени несправедливости, и что люди, чѣмъ бываютъ несправедливѣе, тѣмъ ближе къ смерти, или, чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ несправедливѣе. Напротивъ, можно замѣчать, что несправедливые часто живутъ очень долго и заботливо предостерегаютъ себя отъ гибели. Если же зло души не таково, чтобы приносило ей смерть; а зло чужое вредить ей не въ состояніи: то естественно слѣдуетъ, что душа не можетъ погибнуть ни отъ внѣшней, ни отъ внутренней причины, и что, стало-быть, она бессмертна. А изъ этого видно уже, что число душъ не увеличивается и не уменьшается; ибо онѣ, какъ видимъ, не погибаютъ, да не могутъ и умножаться, а иначе изъ смертныхъ природъ переводимы были бы въ бессмертныя, что невозможно по самой природѣ вещи. Притомъ, душа, если она бессмертна по природѣ, должна состоять изъ частей не разнородныхъ и различныхъ, а простыхъ; потому что иначе не могла бы не подлежать разрушенію. Впрочемъ, бессмертіе души можно доказывать не на томъ только основаніи, которое изложено, но и на другихъ. Р. 608 С—611 В.

Если мы хотимъ узнать истинную природу души, то должны всячески остерегаться, чтобы не созерцать ея такую, какова она теперь, то-есть загрязненною грубымъ тѣломъ: она есть предметъ чистый и должна быть созерцаема окомъ чистаго ума. А это возможно такъ, если мы обратимъ вниманіе особенно на расположеніе ея искать мудрости, и постараемся узнать, въ какомъ сродствѣ находится она съ божественнымъ, бессмертнымъ и вѣчнымъ. Вѣдь этимъ способомъ мы уразумѣемъ, сложна ли она, или проста. Каковы свойства души въ этой жизни, и какимъ подвержена она возмущеніямъ,—это довольно уже раскрыто. Возвратимся теперь къ справедливости и посмотримъ, *какія ожидаютъ ее награды какъ въ этой жизни, такъ и въ будущей*. Мы уже разсматривали справедливость саму въ себѣ, отрѣшенную отъ всѣхъ внѣшнихъ пользъ; видѣли также, что она заслуживаетъ уваженіе сама для себя, замѣчаютъ ли ее боги и люди, или не замѣчаютъ. Тѣмъ не менѣе, однакожь, ей должны принадлежать и внѣшнія награды со стороны какъ боговъ, такъ

и людей. Что награждаютъ ее боги, доказывается слѣдующимъ образомъ. Справедливость не можетъ утаиться отъ Бога: поэтому справедливые будутъ его друзьями, а несправедливые—врагами. Но отсюда слѣдуетъ, что справедливые будутъ одарены отъ него такими благами, болѣе которыхъ и представить нельзя, если только они не будутъ нести наказаніе за какія-нибудь прежнія преступленія. Пусть бы справедливый испытывалъ бѣдность, болѣзни и другія бѣдствія,—надобно вѣрить, что все это не вредитъ истинному его счастью, а напротивъ, тѣмъ больше утверждаетъ и увеличиваетъ его, въ этой ли жизни будетъ онъ награжденъ счастьемъ, или по смерти. Справедливый награждается не только богами, но и справедливыми людьми,—и все то, чѣмъ, какъ прежде говорено, пользуется несправедливость, по надлежащемъ разсмотрѣніи дѣла, должно быть усвоено справедливости. Пусть иной нѣсколько времени хитро скрываетъ свою несправедливость: но когда она откроется,—несправедливый для всѣхъ сдѣлается предметомъ крайняго презрѣнія и ненависти. Несправедливые походятъ на тѣхъ скороходовъ, которые при началѣ поприща сильно скачутъ, а при концѣ его, утомившись, безчестно отстаютъ и чрезъ то лишаются награды. Напротивъ, истинные скороходы добѣгаютъ до конца и украшаются пальмою побѣды. Такъ случается болѣею частію и съ людьми справедливыми: они и за частные свои поступки, и за цѣль всей своей жизни, превозносятся отъ людей похвалами и осыпаются наградами. Пришедши въ зрѣлый возрастъ, они украшаются общественными почестями, вступаютъ въ прекрасныя брачныя связи, пользуются уваженіемъ согражданъ и всѣмъ прочимъ того же рода. Напротивъ, несправедливые, какъ часто замѣчается, хотя и долго носятъ маску, однакожь подъ конецъ проводятъ старость самую несчастную, преслѣдуемы бываютъ ненавистію гражданъ и даже подвергаются тѣлеснымъ наказаніямъ. P. 611 В—613 Е.

Таковы награды, которыми боги и люди осыпаютъ справедливаго въ этой жизни:—не говоримъ уже о тѣхъ благахъ, которыми наслаждается онъ независимо отъ внѣшнихъ выгодъ. Но все это несравнимо съ тѣмъ, что ожидаетъ справедливаго и несправедливаго по смерти. Объ этомъ стоитъ выслушать *разсказъ нѣкоего Ира, Армянина*. Онъ, убитый въ сраженіи, чрезъ десять

дней, когда тѣла другихъ начали уже гнить, найденъ невредимымъ, а въ двѣнадцатый день, бывъ положенъ на костеръ, ожилъ. Послѣ сего вотъ что рассказывалъ онъ своимъ о загробной жизни. Душа его, разставшись съ тѣломъ, облетѣла много удивительныхъ мѣстъ и наконецъ очутилась у двухъ разсѣлинъ земли, которымъ противоположныя двѣ были и на небѣ. Сквозь эти разсѣлины души восходили и нисходили. Въ срединѣ ихъ сидѣли судьи и, произнося свои приговоры душамъ, вляли на нихъ знаки хорошихъ и худыхъ ихъ дѣйствій. Послѣ сего души благочестивыя посылаемы были вправо—на небо, а нечестивыя влѣво—въ преисподнюю. Этотъ путь совершается душами въ теченіе тысячи лѣтъ, и раздѣляется на десять періодовъ, изъ которыхъ каждый продолжается сто лѣтъ. Это установлено съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы наказаніе за каждое преступленіе повторялось десять разъ, равно какъ и награды за добрыя дѣла раздавались десятикратно. При всемъ томъ, многія души до того неисцѣлимы, что наказаніе ихъ не выполняется и въ тысячу лѣтъ, но чрезъ тысячелѣтіе начинается снова. Таковы души отцеубійць, святотатцевъ, тиранновъ. По истеченіи же тысячелѣтняго времени, души, подѣ предсѣдательствомъ парокъ, допускаются къ выбору жребія новой жизни въ нѣкоемъ высокомъ и великолѣпномъ мѣстѣ. Здѣсь онѣ должны имѣть много благоразумія, чтобы не обмануться наружностью и жизни лучшей не предпочесть худшую. Тутъ желаніе ихъ свободно, и Богъ не виновенъ, если которая изъ нихъ изберетъ худой жребій. Многія души при этомъ водятся любовью къ прежней жизни, и потому избираютъ либо такую же, либо подобную; бывають также души, избирающія жизнь не человѣка, а животнаго. Когда выборъ жребіевъ оканчивается,—парки къ каждой душѣ приставляютъ генія и вводятъ ихъ въ тѣла. Но прежде чѣмъ это сдѣлается, души переходятъ чрезъ долину Леты и изъ рѣки Амелисы почерпають долговременное забвеніе; такъ что, чѣмъ долѣ которая душа пила изъ ней, тѣмъ больше забывала прошедшее. Съ долины Леты всѣ души, въ сопровожденіи геніевъ, вступаютъ на поприще новой жизни и составляютъ новое поколѣніе. Р. 614 А—621 D.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

595. Впрочемъ, какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, продолжалъ я, мы всего правильнѣе, думаю, устроимъ свой городъ, такъ и относительно поэзіи мысль моя успокоиваетъ меня. — Какая мысль? спросилъ онъ. — Та, что поэзія никакъ не допускается у насъ¹ въ части своей подражательной: эта часть, какъ я думаю, очень живо представляется недопустимою, особенно теперь, когда мы разсмотрѣли порознь виды души. — Что ты разумѣешь? — Между нами сказать, — вѣдь вы не донесете на меня ни трагическимъ, ни всякимъ другимъ поэтамъ-подражателямъ, — что все подобное, повидимому, есть гибель для души тѣхъ слушателей, которые не имѣютъ противоядія, доставляющаго имъ знаніе о томъ, каково это. — На что же именно указываешь ты своими словами? спросилъ онъ. — Надобно сказать, отвѣчалъ я, хотя какая-то любовь и с. съ дѣтства питаемое уваженіе къ Омиру возбраняють мнѣ говорить. Вѣдь походить, что первымъ учителемъ и вождемъ

¹ Когда, основываясь на этомъ мѣствъ Государства, полагаютъ, что Платонъ изъ своего общества изгналъ поэзію, тогда это положеніе надобно почитать вѣрнымъ только относительно поэзіи подражательной, то-есть драматической. То же самое замѣчаетъ и Прокль (Polit. p. 405): τὸ μὲν οὖν προκείμενον αὐτὸ τοῦτ' ἐστὶ, τὴν μιμητικὴν μόνον ποίησιν, καὶ ταύτης, ὡς δεῖχθήσεται, διαφερόντως τὴν φανταστικὴν ἐκβάλλειν κ. т. л. Причиною изгнанія ея было, конечно, то, что театральныя представленія въ Афинахъ, во времена Платона, доходили до крайняго безстыдства и страшно парализовали народную нравственность.

всѣхъ этихъ трагическихъ изыществъ былъ онъ¹. Предъ лицомъ истины-то, правда, это не дѣлаетъ чести тому мужу: но, о чемъ говорю, надобно сказать.—Конечно, примолвилъ онъ. —

Слушай же, а особенно отвѣчай.—Спрашивай.—Можешь ли опредѣлить вообще, что такое—подражаніе? Вѣдь самъ-то я недовольно понимаю, что изъ этого выдетъ. — Такъ я-то, стало-быть, пойму? сказалъ онъ.—Да и нѣтъ ничего страннаго, примолвилъ я; потому что тупое зрѣніе нерѣдко прежде видеть, чѣмъ острое².—Это такъ, сказалъ онъ; но въ тво- 596.
емъ присутствіи я не имѣлъ бы готовности говорить, хотя бы и представлялось мнѣ что-нибудь. Такъ смотри самъ. — Хочешь ли, свое разсмотрѣніе начнемъ выше, слѣдуя обыкновенной своей методѣ? Вѣдь относительно каждаго множества, означаемого однимъ именемъ, мы обыкновенно беремъ какой-нибудь отдѣльный родъ³. Или не знаешь?—Знаю.—По-

¹ Платонъ здѣсь почитаетъ Омира первымъ заражателемъ греческой трагедіи; потому что дѣйствующія лица въ его поэмахъ разговариваютъ между собою и дѣйствуютъ сами, а поэтъ-повѣствователь какбы скрывается за сценою этихъ дѣйствій и рѣчей. Объ Омирѣ то же говоритъ нашъ философъ и въ другихъ мѣстахъ Государства (р. 598 D. 607 A), и въ Теэтетѣ (р. 152 E): *καὶ τῶν ποιητῶν οἱ ἄκροι τῆς ποιήσεως κωμωδίας μὲν Ἐπιχάρμος, τραγῳδίας δὲ Ὀμηρος*. А Аристотель признаетъ Омира отцомъ вообще драматической поэзіи (Art. Poet. с. 4): *Μόνος γὰρ Ὀμηρος οὐχ ὅτι εὖ, ἀλλὰ ἐπὶ μιμήσεις δραματικὰς ἐποίησεν*. Оὔτω καὶ τὰ τῆς κωμωδίας σχήματα πρῶτος ὑπέδειξεν, οὐ ψόγον, ἀλλὰ τὸ γελοῖον δραματοποιήσας. Ὁ γὰρ Μαρυίτης ἀνάλογον ἔχει, ὡς περὶ Πλάτος καὶ Ὀδυσσεΐα πρὸς τὰς τραγῳδίας, οὔτω καὶ οὗτος πρὸς τὰς κωμωδίας. Трагическіе поэты называются здѣсь *καλοί*, конечно, съ нѣкоторою насмѣшкою, тогда какъ въ другихъ случаяхъ *καλός* служило льстивымъ выраженіемъ аттической вѣжливости.

² Сократъ здѣсь вѣжливо шутить надъ скромностію друга. *Ἀμβλύτερον ὁρῶντες*, въ связи съ словами *πρότεροι εἶδον*, надобно понимать въ смыслѣ ироническомъ.

³ *Беремъ какой-нибудь отдѣльный родъ, εἶδος πού τι ἐν ἑαυτὸν εἰδόμενον τίθεσθαι*. Критики въ этомъ мѣстѣ затрудняются опредѣленіемъ значенія *εἶδος*. Однимъ представляется, что Платонъ говоритъ здѣсь о родовомъ понятіи, въ которомъ содержится множество видовъ и недѣлимыхъ; а другіе полагаютъ, что стоящее въ этомъ текстѣ слово *εἶδος* однозначительно съ словомъ *ιδέα*, или съ именемъ значенія вещи самой въ себѣ, то-есть взятой въ реальной ея сущности. Находя, что у Платона въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его сочиненій эти два термина какъ будто смѣшиваются, Діогенъ Лаэртій (III, 63) утверждаетъ, что *εἶδος* и *ιδέα* онъ употреблялъ безразлично, въ одномъ и томъ же значеніи. Какъ согла-

- ложимъ же и теперь, что хочешь, многое, напимѣрь, если
- В. угодно, много скамей и столовъ.—Какъ не угодно?—Но идея-то, относительно этой утвари—двѣ: одна—идея скамьи, и одна—стола.—Да.—И не говоримъ ли мы обыкновенно, что художникъ той и другой утвари дѣлаетъ ее, смотря на идею,—тотъ скамей, тотъ столовъ, которыми мы пользуемся? и прочее такимъ же образомъ. Вѣдь самой идеи-то не производить ни одинъ художникъ.—Какъ произвести?—Такъ смотри теперь и на художника: и его называешь ты кѣмъ-нибудь.—
- С. Кѣмъ, то-есть?—Тѣмъ, который все дѣлаетъ, что дѣлаетъ каждый изъ ремесленниковъ.— Ты говоришь о какомъ-то сильномъ и удивительномъ человѣкѣ.—Нѣтъ еще; а вотъ сейчасъ скажешь больше. Тотъ же самый ремесленникъ не только въ состояніи сдѣлать всякую утварь,—онъ дѣлаетъ и все, произрастающее изъ земли, онъ производитъ и всѣхъ животныхъ, и все прочее, и себя; кромѣ того, онъ созидаетъ и землю, и небо, и боговъ,—все работаетъ и на небѣ, и въ адѣ,
- Д. подъ землю.—Чрезвычайно удивительнаго разумѣешь ты софиста, сказалъ онъ.—Не вѣришь? примолвилъ я. Но скажи мнѣ: вовсе ли не такимъ кажется тебѣ художникъ, или въ нѣкоторомъ смыслѣ онъ творецъ всего этого, а въ нѣкоторомъ—нѣтъ? Развѣ не сознаешь, что и самъ ты, нѣкоторымъ-то способомъ можешь сотворить все это?—Да какой же тутъ способъ? спросилъ онъ.—Нетрудный, но многократно и скоро выполняемый, отвѣчалъ я. Не угодно ли взять

силь эти разногласія мнѣнія? Мнѣ кажется, что критики, при опредѣленіи значенія этихъ словъ, не обратили вниманія на слѣдующее, весьма важное, обстоятельство. Вездѣ, гдѣ употребляется слово *εἶδος*, непременно предполагается *ιδέα*, безъ которой *εἶδος* невозможенъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ встрѣчается слово *ιδέα*, еще не предполагается *εἶδος*, который не необходимъ для того, чтобы была *ιδέα*. *Εἶδος* есть родовое понятіе, котораго развитіе въ форму общности необходимо условливается τῇ *ιδέᾳ*. Напротивъ, *ιδέα*,—реальная и простая сама въ себѣ сущность вещи, не условливается τῷ *εἶδει*, но зависитъ отъ начала высшаго, непредполагаемаго. Однимъ словомъ: *εἶδος* есть формальная сторона предмета, подъ которою всегда мыслится начало реальное, *ιδέα*; а *ιδέα* есть единичная реальность вещи, которая можетъ быть мыслима и безъ формы. Впрочемъ, см. Parmenid. p. 128 B.

поскорѣе зеркало, и идти съ нимъ всюду: тотчасъ сотворишь Е. и солнце, и то, что на небѣ, тотчасъ и землю,—себя и прочихъ животныхъ, и утварь, и растенія, и все, о чемъ мы теперь только говорили.—Да, сказалъ онъ, это-то будутъ явленія, а не дѣйствительно существующія вещи.—Прекрасно, примолвилъ я; ты приступаешь къ разсужденію по надлежащему. Къ числу такихъ художниковъ относится, полагаю, и живописецъ. Не такъ ли?—Какъ же не такъ?—И ты скажешь, думаю, что онъ не дѣйствительное дѣлаетъ, что дѣлаетъ, хотя, напримѣръ, скамью въ нѣкоторомъ-то смыслѣ дѣлаетъ и живописецъ. Или нѣтъ?—Да, сказалъ онъ, но только какъ явленіе.—Что же скамейный мастеръ? не говорилъ ли ты сей 597. часть, что онъ дѣлаетъ не родъ, который мы назвали сущностью скамьи, а какую-нибудь скамью?—Конечно говорилъ.—Но если дѣлаетъ онъ не сущность, то дѣлаетъ не сущее, а нѣчто такое, что только кажется сущимъ, въ самомъ же дѣлѣ не существуетъ? Поэтому, кто дѣло скамейнаго мастера, или какого другаго ремесленника назвалъ бы дѣломъ вполне сущимъ, тотъ говорилъ бы, должно быть, неправду?—Неправду, сказалъ онъ; по крайней мѣрѣ такъ показалось бы тѣмъ, которые занимаются подобными разсужденіями.—Стало-быть, мы нисколько не удивимся, если и это, въ сравненіи съ истиною, будетъ нѣчто сомнительное.—Не удивимся.—Такъ хочешь ли, спросилъ я, и въ подобныхъ дѣлахъ поищемъ подражателя, кто таковъ онъ?—Если угодно, сказалъ онъ.—Не троякая ли какая-то бываетъ скамья: одна—существующая въ насажденномъ¹—въ природѣ, которую, можно

¹ *Въ насажденномъ* — съ природѣ, по-гречески одно слово — *ἐν τῇ φύσει*. Платонъ принималъ это слово въ букввальномъ смыслѣ и производилъ его отъ *φύω*, которое значить и насаждаю, и раждаю. Корень рожденія удержало оно какъ въ русскомъ, такъ и во всѣхъ прочихъ языкахъ европейскихъ. Но принимая въ расчетъ идею Платоновой космогоніи, какъ она раскрыта въ Тимей, и обращая вниманіе на особый замѣчательный оттѣнокъ русскаго слова *природа*, я прихожу къ убѣжденію, что Платонъ подъ словомъ *φύσις* понималъ матерію — *την ὑποδοχὴν πάντων τῶν χρημάτων*, въ которой *насаждены* идеи божественнаго ума и которой чрезъ это *прирождено* переводить ихъ въ міръ явленій. Вотъ причина,

сказать, думаю, сотворилъ Богъ. Или онъ сотворилъ иную какую?—Думаю, не иную.—Одна опять, которую построилъ плотникъ.—Да, сказалъ онъ.—И наконецъ одна, которую нарисовалъ живописецъ? Не такъ ли?—Пусть такъ.—Стало-быть, живописецъ, скамейный мастеръ, Богъ—три предстателя надъ тремя видами скамей.—Да, три.—Богъ-то, либо с. потому, что не хотѣлъ, либо по какой необходимости, чтобы въ природѣ сотворена была не больше, какъ одна скамья, такъ и сотворилъ—одну и единственную¹ скамью; а двѣ, или болѣе такихъ, насаждены Богомъ не были и не будутъ.—Какъ быть? сказалъ онъ.—И это потому, продолжалъ я, что еслибы онъ сотворилъ ихъ двѣ по одной, то опять явилась бы одна, которой видъ имѣли бы обѣ онѣ, и сущая скамья была бы та одна, а не эти двѣ.—Правильно, сказалъ онъ.—Съ этою-то d. мыслю, думаю, Богъ, желая по-истинѣ быть творцомъ дѣйствительно сущей, а не какой-нибудь скамьи, и не какимъ-нибудь скамейнымъ мастеромъ, родилъ ее въ природѣ одну.—Вѣроятно.—Такъ хочешь ли, мы назовемъ его насадителемъ этого, или подобнымъ тому именемъ?—Да и справедливо, сказалъ онъ, ибо чрезъ насажденіе—то сотворено имъ и это, и все другое.—Что же? А плотника, стало-быть, не назовемъ художникомъ скамьи?—Да.—Неужели и живописцу не дадимъ имени ея художника и творца?—Никакъ.—Кѣмъ же назовешь ты его въ отношеніи къ скамьѣ?—Мнѣ кажется, e. самое приличное ему названіе будетъ—подражатель тому, что тѣ производятъ, отвѣчалъ онъ.—Пускай, примолвилъ я;

по которой выраженіе *ἐν τῇ φύσει* я перевожу словомъ *въ насажденномъ*, а слѣдующее далѣе имя Творца—*φύτουργός*—словомъ *насадитель*.

¹ *Одну и единственную, μίαν μόνην.* "Ἐν καὶ μόνον у Платона нерѣдко употребляются въ непосредственной связи: но это никакъ не тожесловіе. "Ἐν означаетъ единство вещи самой въ себѣ, или численную единицу, и поставляется въ отношеніе къ *δύο, τρία* и т. д.; а *μόνον* выражаетъ уединеніе вещи, исключительность ея, и противуполагается слову *πρόσῃκον* или *συγγενής*. Tiersch. Specim. Critic. p. 47 sq. Schaefer. Meletem. p. 19 sq. Такъ употребляли эти слова и латинскіе писатели. Terent. Adelph. V, 3, 46: Solum unum hoc vitium affert hominibus. Cicer. in Pison. c. 40: Cives Romani—te unum solum suum depeculatorem, vexatorem, praedonem, hostem venisse senserunt.

стало-быть, ты называешь его подражателемъ третьяго рож-
денія послѣ природы?—Конечно, сказалъ онъ.—Слѣдователь-
но то же самое будетъ и творецъ трагедіи: это—подражатель,
занимающій третью степень послѣ царя истины¹, какъ и всѣ
другіе подражатели.—Должно быть.—Итакъ, вразсужденіи 598.
подражателя мы согласились. Скажи же мнѣ о живописцѣ
слѣдующее: кажется ли тебѣ, что для подражанія беретъ онъ
отдѣльные предметы въ самой природѣ, или дѣла художни-
ковъ?—Дѣла художниковъ, сказалъ онъ.—Тѣла, какія суще-
ствуютъ, или какія являются? опредѣли-ка и это.—Что ты
разумѣешь? спросилъ онъ.—Слѣдующее: скамья,—смотришь
ли на нее сбоку, или прямо, или какъ иначе,—различается ли
чѣмъ-нибудь сама отъ себя, или ничѣмъ не различается, а толь-
ко является иною, равно какъ и все другое? — Такъ, сказалъ
онъ, является; а различія нѣтъ.—Смотри же это самое: къ че- В.
му направляется живопись, изображая отдѣльную вещь? къ то-
му ли, чтобы подражать существу, какъ вещь есть, или къ яв-
ляющемуся, какъ она является? представленію, или истинѣ
подражаетъ живопись?—Представленію, сказалъ онъ.—Ста-
ло-быть, искусство подражанія далеко отъ истины; и оно, какъ
видно, все дѣлаетъ для того, чтобы въ отдѣльномъ предметѣ
схватить что-нибудь малое и этотъ образъ. Напримѣръ, живо-
писецъ, говоримъ, изображаетъ намъ сапожника, плотника и
другихъ художниковъ, не будучи нисколько знакомъ съ этими С.
мастерствами: однакожь, если живопись его хороша, нарисо-
вавъ плотника и показывая его издали дѣтямъ и глупымъ лю-
дямъ, онъ обманываетъ ихъ кажимостію, будто это въ самомъ
дѣлѣ плотникъ.—Чего не бываетъ?—Такъ же, думаю, другъ
мой, надобно мыслить и о всемъ подобномъ, когда кто-нибудь
разсказываетъ намъ, что онъ встрѣтился съ человѣкомъ, зна-
ющимъ всѣ искусства и все другое, что знаетъ каждый по D.
одинокѣ,—знающимъ, что бы то ни было, не съ меньшею

¹ Третью степень послѣ царя истины, по-гречески: *τρίτος τις ἀπὸ βασιλείας καὶ τῆς ἀληθείας*. Въ этомъ выраженіи союзъ *καὶ* мнѣ кажется совершенно неу-
мѣстнымъ, хотя ни одинъ кодексъ не опускаетъ его.

точностию: — таковому рассказчику надобно возразить, что онъ слишкомъ простъ и, какъ видно, встрѣтился съ какимъ-то волшебникомъ, что онъ обмануть подражателемъ, который показался ему всесвѣтнымъ мудрецомъ лишь оттого, что въ немъ самомъ не было силъ изслѣдовать его знаніе, непознаваемость и подражаніе. — Весьма справедливо, сказалъ онъ. —

Такъ теперь, продолжалъ я, слѣдуетъ рассмотреть трагедію и вождя ея Омира, поколику слышимъ отъ нѣкоторыхъ, что люди, занимающіеся этимъ, знаютъ всякое искусство, все человѣческое относительно къ добродѣтели и пороку, и даже божеское; ибо добрый поэтъ, если хочетъ прекрасно дѣлать, что онъ дѣлаетъ, необходимо долженъ знать дѣло, а иначе не въ состояніи будетъ совершить его¹. Такъ
 599. мы обязаны рассмотреть, не обманывались ли тѣ люди, встрѣчаясь съ подобными подражателями, и видя ихъ дѣла, не замѣчали ли, что они отъ истины отстоятъ на три степени, поколику имѣютъ дѣло съ представленіями, а не съ сущимъ; или и они также что-то говорятъ и, какъ поэты дѣйствительно добрые, знаютъ то, о чемъ, повидимому, хорошо говорятъ толпѣ? — Конечно надобно рассмотреть, сказалъ онъ. — Думаешь ли, что кто можетъ проявлять то и другое — и подражаемое, и образъ, тотъ посвятитъ свои труды производству образовъ и
 В. постановитъ это наилучшею цѣлію своей жизни? — Не думаю. — Вѣдь кто, мнѣ кажется, въ самомъ дѣлѣ былъ бы знатокомъ того, чему подражаетъ, тотъ гораздо скорѣе занялся бы самыми дѣлами, чѣмъ подражаніемъ, и постарался бы на память оставить много собственныхъ прекрасныхъ дѣлъ, — тотъ направилъ

¹ Извѣстно, что около временъ Платона на Омира и трагическихъ поэтовъ Греки смотрѣли, какъ на репертуаръ всевозможныхъ знаній, изъ котораго заимствуется все, способствующее къ образованію, облагороженію, смягченію и украшенію души. Поэтому Омировы поэмы и произведенія трагиковъ почитаемы были необходимыми педагогическими руководствами, чтеніемъ которыхъ молодое поколѣніе должно было заниматься съ самаго дѣтства. См. *Plat. Protag.* p. 325 E. *Beck.* *Examen causarum, cur studia liberalium artium imprimisque poeseos a philosophis nonnullis aut neglecta aut impugnata fuerint.* Lips. 1785, p. 9 sqq.

бы свою ревность къ тому, чтобы болѣе быть прославляемымъ, чѣмъ прославлять.—Думаю, сказалъ онъ; потому что честь и польза неравны между собою.—Итакъ, относительно прочихъ предметовъ мы не потребуемъ отчета ни отъ Омира, ни отъ другихъ какихъ-нибудь поэтовъ,—не спросимъ: былъ ли кто изъ нихъ врачомъ, а не подражателемъ только врачебныхъ словъ? кого какой-нибудь древній или новый поэтъ, по рассказамъ, сдѣлалъ здоровымъ, подобно тому, какъ вылечивалъ Асклепій? или какихъ оставилъ онъ учениковъ врачебной науки, какъ этотъ оставилъ дѣтей ¹? Не будемъ дѣлать имъ вопросовъ и примѣнительно къ другимъ искусствамъ; пройдемъ это молчаніемъ. Но какъ скоро Омиръ рѣшился говорить о дѣлахъ величайшихъ и прекраснѣйшихъ,—о войнахъ и военачальникахъ, объ устройствѣ городовъ и воспитаніи людей; то справедливо будетъ спросить и испытать его: любезный Омиръ! если ты, относительно добродѣтели, не третій отъ истины художникъ образа, — художникъ, названный у насъ подражателемъ, а второй, и можешь знать, какія занятія дѣлаютъ людей лучшими и худшими, частно и публично; то скажи намъ, который изъ городовъ лучше устроился при твоей помощи, какъ при помощи Ликурга—Лакедемонъ, или какъ при помощи многихъ другихъ — многіе великіе и малые города? Почитаешь ли тебя какой-нибудь городъ добрымъ своимъ законодателемъ, принесшимъ ему пользу? Италия и Сицилія обязаны Харонду, мы—Солону; а тебѣ—кто? Можетъ ли онъ наименовать какую-нибудь страну? — Не думаю, сказалъ Главконъ; этого не рассказываютъ даже и о самыхъ омиридахъ.—Притомъ, упоминается ли о какой-нибудь современной Омиру войнѣ, которая счастливо ведена была подъ его начальствомъ, или по его совѣту? — Ни о какой.—Рассказываютъ ли о многихъ и замысловатыхъ его изобрѣтеніяхъ и о другихъ дѣлахъ въ пользу искусствъ, чтобы въ немъ видѣнъ былъ мудрецъ на самомъ дѣлѣ, какъ расска-

¹ Разумѣются дѣти по наукѣ, или такъ называемая школа Асклепиадовъ.

зываютъ о Фалесѣ милетскомъ и Анахарсисѣ скиѣскомъ¹?— Нѣтъ ничего такого.— Но если не публично, то во время своей жизни не былъ ли Омиръ, по рассказамъ, вождемъ воспитанія частно для извѣстныхъ людей, которые полюбили его за наставленія и передали потомкамъ какой-нибудь омирив. ческій образъ жизни, какъ отлично любимъ былъ за это Пифагоръ, котораго послѣдователи, и нынѣ еще держась образа жизни, называемаго пифагорейскимъ², кажутся людьми, въ числѣ прочихъ знаменитыми?— И объ этомъ опять ничего не сообщаютъ, Сократъ, сказалъ онъ. Вѣдь Креофилъ³, можетъ быть, другъ Омира, смѣшной⁴ по имени, кажется, еще смѣшнѣе былъ по воспитанію, если рассказываемое объ Омирѣ справедливо. Говорятъ, что пока тотъ жилъ, этотъ крайне С. нерадѣлъ о немъ при его жизни.— Да, говорятъ, примолвилъ я. Но подумай, Главконъ, если Омиръ дѣйствительно способенъ былъ учить людей и дѣлать ихъ лучшими, поколику могъ водиться не подражательностію, а знаніемъ; то не приобрѣлъ ли бы онъ много друзей и не былъ ли бы почитаемъ и любимъ ими? Вотъ Протагоръ Абдеритянинъ, Продикъ косскій и весь-

¹ Объ изобрѣтеніяхъ Анахарсиса см. *Menag. ad Diog. Laert.* 1, 105. О Фалесѣ милетскомъ сравн. сказанія Иродота 1, 74. 75. 179. *Aristot. Polit.* 1, с. II. *Diog. L.* 1, 24 sqq.

² Свидѣтельство Платона о пифагорейскомъ образѣ жизни есть важная историческая черта. Оно показываетъ, что и въ то время были люди, проводившіе жизнь по правиламъ Пифагора, и отличались строгою нравственностію, воздержаніемъ, умѣренностію и незазорностію поведенія. Сравн. *Ritter. Histor. Philosoph.* Pythagor. p. 37 sq.

³ О Креофилѣ схолиастъ говорить такъ: «Креофилъ Хиосецъ, писатель эпическій. Нѣкоторые рассказываютъ, что онъ былъ зять Омира, женатый на его дочери, и что, принявъ тестя въ свой домъ, получилъ отъ него Илиаду. Разныя сказанія о немъ древнихъ старательно собралъ *Фабрицій*. *Biblioth. Gr.* 1, 4, и ad sext. *Empir.* p. 223 sq. Платонъ упоминаетъ о Креофилѣ съ цѣлію доказать, что Омиръ, въ качествѣ поэта, не могъ сдѣлать лучшими и тѣхъ, съ которыми постоянно обращался и на которыхъ долженъ былъ имѣть вліяніе, какъ родственникъ.

⁴ Чтобы видно было, отчего Креофилъ по имени кажется смѣшнымъ, надобно замѣтить, что это имя по-гречески пишется *Κρεώφυλος*, а не *κρεώφιλος*, какъ стоитъ въ нѣкоторыхъ спискахъ. Но *Κρεώφυλος* происходитъ отъ *Κρεώφω*, какъ *φείδολος* отъ *φείδω*, *Θράσυλος* отъ *Θράστω*, *Κράτυλος* отъ *κράτω*. *Κρεώφω* же значить «свѣтащееся мясо».

ма многіе другіе могутъ частными уроками внушить своимъ ученикамъ, что если они не ввѣрятъ имъ воспитаніе себя, то D. не будутъ въ состояніи управлять ни своимъ домомъ¹, ни городомъ, и за эту мудрость пользуются столь сильною любовью, что друзья едва не носятъ ихъ на своихъ головахъ². Такъ чтобы Омира, какъ скоро онъ въ состояніи былъ увлекать людей къ добродѣтели, или Исіода, когда они ходили и пѣли отрывки своихъ стихотвореній, современники не уважили болѣе, чѣмъ золото, и не заставили ихъ жить въ своихъ домахъ, а E. еслибы не убѣдили къ этому, чтобы сами не ходили вслѣдъ за ними, пока не получили бы достаточнаго воспитанія!—Ты говоришь, Сократъ, кажется, совершенную правду.—Итакъ, положимъ ли, что всѣ поэты, начиная съ Омира, суть подражатели образовъ добродѣтели и другихъ, которыя описываются въ ихъ стихотвореніяхъ, а истины они не касаются, подобно тому, какъ мы сейчасъ говорили о живописцѣ, который, самъ не зная сапожническаго мастерства, рисуетъ са- 601. пожника, и рисунокъ его невѣждамъ, видящимъ только краски да образы, кажется дѣйствительнымъ сапожникомъ?—Конечно. — Такъ-то, думаю, и поэтъ, словами да выраженіями отдѣльныхъ искусствъ, наводитъ, скажемъ, какія-то тѣни на предметы и, не зная ихъ, самъ умѣетъ только подражать, такъ что другимъ такимъ же людямъ, смотрящимъ на вещи со стороны словъ, это нравится,—и сапожничества ли касаются его метръ, рѣимъ и гармонія, или военачальства, или чего B. другаго, имъ представляется, что онъ говоритъ хорошо. Вотъ сколь великое по природѣ въ этомъ самомъ заключается очарованіе! Но обнаженные-то отъ цвѣтовъ музыки, творенія поэтовъ,—творенія, что называется, сами по себѣ, думаю, из-

¹ Подлинныя слова софистовъ объ этомъ см. Protag. p. 318 B. Gorg. p. 520 E.

² *Едва не носятъ ихъ на своихъ головахъ, μόνον οὐκ ἐπὶ ταῖς κεφαλαῖς περιφέρουσιν αὐτούς.* Выраженіе: *περιφέρειν τινα ἐπὶ τῆ κεφαλῇ*, имѣло силу пословицы, которая заимствована отъ обыкновенія греческихъ матерей и кормилицъ носить дѣтей въ корзинѣ на головѣ. *Grasm. Chiliad. IV, Cent. 7, n. 98, p. 794. Themist. Orat. XXI, p. 254 A: ὅν ἡμεῖς διὰ ταύτην τὴν φαντασίαν μόνον οὐκ ἐπὶ ταῖς κεφαλαῖς περιφέρομεν.*

вѣстно тебѣ, какими кажутся. Вѣроятно, всматривался.— Конечно, сказалъ онъ. — Не похожи ли они, примоявилъ я, на лица, цвѣтушія молодостью, но некрасивыя¹, какими приходится видѣть ихъ, когда цвѣтъ опадаетъ?—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — Соображай-ка теперь слѣдующее: составляющій образъ по подражанію, говоримъ, нисколько не знаетъ существа, а знаетъ только являемое. Не такъ ли?—Да.— Не оставимъ же сказаннаго на половинѣ, но всмотримся въ дѣло достаточно.— Говори, сказалъ онъ. — Скажемъ ли, что живописецъ нарисуетъ узду и удила?—Да.— А сдѣлаетъ-то эти вещи шорникъ и кузнецъ?— Конечно.— Такъ знаетъ ли живописецъ, каковы должны быть узда и удила? или не знаютъ и сдѣлавшіе ихъ— кузнецъ и шорникъ, а только умѣющій пользоваться ими—одинъ всадникъ?—Весьма справедливо.— Не такъ же ли, скажемъ, бываетъ и все?—Какъ?—Относительно каждой вещи не берутся ли въ расчетъ три искусства: пользовательное, дѣлательное и подражательное?—Да.— Поэтому сила, красота и правильность каждой утвари, cadaго животнаго и cadaго дѣйствія не для иного чего бываетъ, какъ для употребленія. Не для этой ли цѣли дѣлается, или рождается все?—Такъ.— Стало-быть, пользующемуся каждою вещью крайне необходимо быть самымъ опытнымъ и доносить дѣлателю, что дѣлаетъ онъ хорошо или худо относительно къ употребленію того, чѣмъ пользуется. Напримѣръ, флейтистъ доносить дѣлателю флейтъ о флейтахъ, что способствуетъ игрѣ на флейтѣ, и показываетъ, какими надобно дѣлать ихъ.— Какъ же не показывать?—И одинъ—знающій—будетъ доносить о хорошихъ и худыхъ флейтахъ, а другой—вѣрящій—станетъ дѣлать ихъ?—Да.— Стало-быть, относительно одной и той же утвари, дѣлатель, обращающійся съ знатокомъ и принужден-

¹ Лица, цвѣтушія молодостью, но некрасивыя, τοῖς τῶν ἑραίων προσώποις, καλῶν δὲ μὴ. Ὀρατοῖς—тѣ, которые цвѣтутъ, сильны, полны, дородны,—по русской пословицѣ,—кровь съ молокомъ. Καλοὶ—тѣ, которыхъ лицо отличается чертами правильными, нѣжными, тонкими и приятными. Эти двѣ красоты, какъ извѣстно, иногда бываютъ одна безъ другой.

ный слушать его, будетъ имѣть правую вѣру, что именно въ этомъ состоитъ хорошее и худое свойство вещи, а поль- 602.
зующійся будетъ имѣть знаніе.—Конечно.—Подражатель же изъ употребленія почерпнетъ знаніе ли о томъ, чтò пишетъ, —прекрасно, то-есть, это и правильно, или нѣтъ,—или правильное мнѣніе, получаемое чрезъ необходимое обращеніе съ тѣмъ, кто знаетъ, и чрезъ выслушиваніе его приказаній, какъ надобно писать?—Ни того ни другаго.—Слѣдовательно, подражатель, относительно хорошаго и худаго свойства вещи, не будетъ ни знать, ни правильно думать о томъ, чему подражаетъ.—Походить, что нѣтъ.—Любезенъ же въ своемъ дѣлѣ подражатель—по мудрости относительно къ тому, что онъ дѣлаетъ—Не очень.—Вѣдь онъ будетъ подражать-то, конечно, в. имѣя въ виду не знаніе каждой вещи, почему она дурна, или полезна; его подражаніе направится, какъ видно, къ тому, что кажется прекраснымъ невѣжественной толпѣ.—Къ чему же другому?—Итакъ, въ этомъ, какъ теперь открывается, мы согласились достаточно, что, то-есть, во-первыхъ, подражатель не знаетъ ничего, какъ должно, чему подражаетъ, и подражаніе есть какая-то забава, а не серьезное упражненіе; во-вторыхъ, всѣ, занимающіеся трагическою поэзіею и пишущіе ямбами и героическими стихами, суть, сколько можно болѣе, подражатели.—Конечно.—

Ради Зевса, сказалъ я, это-то подражаніе—не на третьемъ с. ли мѣстѣ отъ истины? Не такъ ли?—Да.—Къ чему же такому, заключающемуся въ человѣкѣ, имѣетъ оно силу, какую имѣетъ ¹?—О чемъ это говоришь ты?—О слѣдующемъ: одна

¹ Показавъ, что Омиръ и трагики не могли научить людей, ибо не знали того, что воспѣвали, и занимались только подражаніемъ, удовлетворяя вкусу толпы, философъ теперь намѣревается доказать, что подражаніе даже губительно для нравственности. Поэты, говоритъ онъ, обыкновенно подражаютъ волненіямъ души и чрезъ то ослабляютъ силу и достоинство ума, даже часто портятъ тѣхъ, которые прежде владѣли собою и имѣли характеръ серьезный. Кто читаетъ, напримѣръ, у Омира, или у трагиковъ, какъ герои ихъ заливаются слезами; тотъ нерѣдко и самъ возмущается духомъ, и за такую силу стиховъ превозноситъ поэта похвадами. Между тѣмъ, чрезъ это душа нечувствительно теряетъ энергію, твердость и мужество. Такое же вредное вліяніе на людей производятъ

- и та же величина вблизи и вдали, при посредствѣ зрѣнія, является намъ неравною. — Нѣтъ. — Одни и тѣ же предметы, видимые въ водѣ и внѣ воды, кажутся то кривыми, то прямыми, и чрезъ зрѣніе, обманываемое игрою тѣней, — то вогнутыми, то выпуклыми; и явно, что все это замѣшательство находится въ нашей душѣ. Живопись-наводителница тѣней, вмѣстѣ съ фокусничествомъ и многими подобными хитростями¹, прилагаемая къ такому свойству природы, не оставляетъ ни одного волшебства. — Правда. — Такъ не мѣра ли, число и вѣсъ явились у насъ благопріятнѣйшими помощниками въ томъ отношеніи, чтобы управляло нами не то, что кажется бѣльшимъ или меньшимъ, множайшимъ или тяжелейшимъ, а то, что исчисляетъ, измѣряетъ и взвѣшиваетъ? —
- Е. Какъ же не это? — Но это-то въ душѣ есть дѣло разумности. — Конечно разумности. — А когда разумность часто измѣряетъ и означаетъ, что нѣчто или больше или меньше, или равно сравнительно съ другимъ; тогда ей вразсужденіи одного и того же представляется противоположное. — Да. — Но не сказали ли мы, что одному и тому же объ одномъ и томъ же мыслить противное невозможно? — Да и правильно сказали. —
603. Слѣдовательно, часть души, имѣющая мнѣніе, противное мѣрѣ, не одна и та же съ частію ея, мыслящею по мѣрѣ. — Конечно не одна. — Но то, что вѣритъ мѣрѣ и смыслу, должно быть наилучшее въ душѣ. — Какже. — Противное же наилучшему должно быть въ насъ чѣмъ-то худшимъ. — Необходимо. — А это говорилъ я вѣдь съ намѣреніемъ условиться въ томъ, что искусство живописи и всякое искусство подражательное, отстоя далеко отъ истины, совершаетъ собственное свое дѣло, бесѣдуетъ съ частію души, удаленною въ насъ отъ разумности, и становится другомъ, товарищемъ того, что не имѣетъ въ виду ничего здраваго. — Совершенно такъ, сказалъ онъ. —

и поэты комическіе, приучая ихъ своимъ подражаніемъ къ неумѣстному смѣху и насмѣшливости, которая всегда враждебна добродѣтели.

¹ Эта мысль достаточно раскрывается въ другихъ разговорахъ Платона. См. Theaet. p. 208 E. Parmenid. p. 165 C. Sophist. p. 235 E.

Слѣдовательно, искусство подражательное, худое въ себѣ, съ худымъ обращаясь, худое и раждаетъ.—Походить.—Но худо оно только ли въ области зрѣнія, спросилъ я, или и въ области слуха, гдѣ мы называемъ его поэзію?—Вѣроятно, и здѣсь, отвѣчалъ онъ. — Не повѣримъ же вѣроятному только изъ живописи, но и въ самой душѣ направимся къ тому, съ чѣмъ бесѣдуетъ подражательность поэзіи, и посмотримъ, хорошо это, или худо. — Конечно должно. — Такъ предложимъ дѣло слѣдующимъ образомъ: искусство подражательное, скажемъ, подражаетъ людямъ, совершающимъ дѣла либо свободныя, либо вынужденныя насиліемъ, и по свойству своихъ дѣлъ, эти люди признаются либо счастливыми, либо несчастными, а по всему этому, либо печалются, либо радуются. Нѣтъ ли еще чего-нибудь, кромѣ этого?—Ничего. — Но во всемъ этомъ человѣкъ согласенъ ли самъ съ собою? Или, какъ со стороны зрѣнія—онъ враждуетъ противъ себя и питаетъ въ себѣ противныя мнѣнія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ; такъ и со стороны дѣлъ—враждуетъ и борется съ самимъ собою? Напоминаю, что въ этомъ-то теперь нѣтъ намъ нужды соглашаться; ибо касательно всего этого мы достаточно согласились въ предложенныхъ выше разсужденіяхъ¹, что, то-есть, душа наша переполнена тысячами подобныхъ, сталкивающихся вмѣстѣ противорѣчій.—Правильно, сказалъ онъ. — Конечно правильно, примолвилъ я; но что оставили мы тогда, то необходимо, кажется, раскрыть теперь.—Что такое? спросилъ онъ. — Тогда мы говорили, отвѣчалъ я, что человѣкъ скромный, подвергшись великому несчастію—потерять сына, или что другое, для него драгоцѣнное, перенесетъ это легче всѣхъ.— Конечно.—Теперь же разсмотримъ слѣдующее: точно ли не будетъ онъ скорбѣть, или это-то невозможно,—а только умѣрить какъ-нибудь свою скорбь?—Справедливѣе-то послѣднее, примолвилъ онъ. — Такъ скажи мнѣ теперь о немъ вотъ что: больше ли, думаешь, станетъ онъ бороться съ скорбію и про-

¹ Указывается на разсужденіе въ началѣ второй книги.

- тиводѣйствовать ей, когда видятъ его подобные ему, или когда будетъ уединенъ, останется одинъ самъ съ собою?—Вѣроятно, больше, когда его видятъ, сказалъ онъ.—Вѣдь наединѣ-то, думаю, онъ осмѣлится многое произнести, отъ чего, еслибы кто слышалъ его, было бы ему стыдно, и многое сдѣлаетъ, на что не рѣшился бы, еслибы кто видѣлъ его дѣло.—Такъ бываетъ, сказалъ онъ.—Но то, что велить противо-
- В.** дѣйствовать, не есть ли умъ и законъ? а то, что увлекаетъ къ скорби, не есть ли самая страсть?—Правда.—Если же въ человѣкѣ, вразсужденіи одного и того же предмета, бываютъ противныя стремленія; то необходимо, скажемъ, быть въ немъ двумъ началамъ.—Какже.—И одно изъ нихъ не будетъ ли готово повиноваться закону во всемъ, что онъ предписываетъ?—Какъ?—Законъ, думаю, говорить, что въ несчастіяхъ особенно прекрасное дѣло—сохранять спокойствіе и не досадовать,—во-первыхъ потому, что въ нихъ не видно ни добра, ни зла, во-вторыхъ потому, что огорчающійся ими чрезъ
- С.** это нисколько не идетъ впередъ, въ-третьихъ потому, что дѣла человѣческія недостойны великой заботливости, когда же что-нибудь изъ нихъ и надобно намъ получить какъ можно скорѣе, скорбь тутъ служить помѣхою.—Кому говоришь ты это? спросилъ онъ.—Тому, отвѣчалъ я, кто при извѣстныхъ событіяхъ долженъ совѣтоваться и, будто смотря на паденіе марокъ въ игрѣ, располагать свои дѣла примѣнительно къ расположенію обстоятельствъ,—какъ лучше велить умъ, а не падать, подобно дѣтямъ, держась за ушибенное мѣсто, и не терять времени
- Д.** въ крикѣ, но всегда приучать душу—какъ можно скорѣе обращаться къ врачевству, исправлять падшее и страдающее, и врачеваніемъ прогонять плачь.—Такое отношеніе къ случайностямъ, въ самомъ дѣлѣ, было бы весьма правильно, сказалъ онъ.—Итакъ, мы скажемъ, что наилучшее хотеть слѣдовать этой разумности.—Явно.—А той части, которая ведетъ насъ къ припоминанію страданій и скорбей и не утоляется этимъ, не назовемъ ли неразумною, расслабленною и робкою?—Конечно назовемъ. — Поэтому начало досадующее обнаружи-

васть много разнообразной подражательности: напротивъ, раз- Е.
 зумный и покойный нравъ, всегда близкій къ самому себѣ, и
 нелегко подражаетъ, и становясь самъ предметомъ подража-
 нія, нескоро изучается, — особенно въ торжественныхъ собра-
 нійхъ и различными людьми, сходящимися въ театры; потому
 что подражать имъ — значитъ отчуждаться страстей¹. — Безъ 605.
 сомнѣнія. — Такъ явно, что поэтъ-подражатель расположенъ
 то не къ этой части души, и его мудрость упорно не хочетъ
 ей нравиться, если намѣрена угождать толпѣ: напротивъ, онъ
 склоненъ къ нраву безпокойному и измѣнчивому, потому
 что этотъ для подражанія доступнѣе. — Явно. — Посему не
 справедливо ли уже можемъ мы укорить его и поставить въ
 соотвѣтственность живописцу? Вѣдь у него дѣланіе дурнаго
 идетъ за истину; онъ съ такою же частію обращается и въ В.
 душѣ, а не съ наилучшею, и ей подражаетъ. Такъ вотъ мы и въ
 правѣ не принимать его въ имѣющій благоустроиться городъ;
 ибо онъ возбуждаетъ и питаетъ ту часть души, которая, укрѣ-
 пившись, губитъ разумность, подобно тому, какъ и въ горо-
 дѣ, — кто людей негодныхъ дѣлаетъ сильными, тотъ — преда-
 тель города и губитель довѣрчивыхъ гражданъ. То же ска-
 жемъ мы и о поэтѣ-подражателѣ: поблажая несмысленной ча-
 сти души, онъ каждой порознь внушаетъ худой образъ жизни С.
 и не различаетъ ни бдльшаго ни меньшаго, но то же самое по-
 читаетъ иногда великимъ, иногда малымъ, и составляетъ толь-
 ко образы, а отъ истины стоитъ очень далеко. — Конечно. —

¹ Кто хочетъ подражать умному и въ умномъ, тотъ развиваетъ свою подра-
 жательность уже не въ области жизни чувственной или внѣшней; слѣдовательно,
 такая подражательность осуществима не на театальной сценѣ, а развѣ въ фи-
 лософской школѣ, и вообще бываетъ очень нелегка, потому что здѣсь надобно
 имѣть дѣло съ предметомъ самимъ въ себѣ. Правда, съ высшей, идеальной точ-
 ки зрѣнія, къ этой же, повидимому, цѣли ведетъ и сценическое искусство, такъ
 какъ оно своими представленіями какбы говоритъ: «смотри, какъ это худо, же-
 стоко, отвратительно, страшно» и проч., или, «какъ это забавно, смѣшно, глу-
 по, невѣжественно, дерзко: удаляйся же отъ этого. «Но такіе уроки на самомъ
 дѣлѣ не лучше того зеркала, въ которое смотрѣлась Крылова мартышка. Эго-
 измъ и самоиѣніе туманными своими представленіями совершенно закрываютъ
 ту идеальную цѣль и располагаютъ cadaго видѣть дурное и достойное смѣха не
 въ себѣ, а только въ другихъ.

- Впрочемъ, самаго важнаго-то въ поэзіи мы еще не осудили: вѣдь ужаснѣйшее въ ней то, что она способна вредить и людямъ порядочнымъ, за исключеніемъ весьма немногихъ.— Чего не будетъ, если это-то дѣлаетъ она?—Слушай и наблюдай. Вѣдь лучшіе изъ насъ, внимая Омпру, или и другому
- D. какому трагическому поэту, который, изъ подражанія извѣстному герою въ плачѣ, тянетъ длинные монологи его горестей, либо поетъ и поражаетъ себя въ грудь,—лучшіе изъ насъ, знаешь, радуются и, входя въ его положеніе, слѣдуютъ за нимъ съ сочувствіемъ, и мы отъ души хвалимъ добраго поэта, что онъ возбудилъ въ насъ такое расположеніе.—Знаю; какъ не знать?—А когда надъ кѣмъ изъ насъ тяготѣетъ собственное горе, понимаешь опять, что мы хвастаемся противнымъ тому, что, то-есть, сохраняемъ спокойствіе и терпѣніе,
- E. такъ какъ это прилично мужчинѣ, а то, что хвалили тогда,—женщинѣ.—Понимаю, сказалъ онъ.—Такъ хороша ли эта похвала, спросилъ я, если кто, видя такого человѣка, какимъ не хотѣлъ бы и стыдился бы быть самъ, не порицаетъ его, а радуется и хвалить?—Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, она не походить на благоразумную.—Да, примолвилъ я, какъ скоро разсмотришь ее тѣмъ-то способомъ.—Какимъ?—Размысли, что
606. если часть души, ограничиваемая силою собственныхъ своихъ несчастій, и тогда жаждущая слезъ, достаточнаго гореванія и насыщенія, — ибо этого желаетъ она по природѣ,—если эта самая часть души питается поэтами и исполняется радостію; то наилучшее въ насъ по природѣ, недостаточно еще наученное умомъ и опытомъ, ослабляетъ стражу надъ этою плаксою, такъ какъ, смотря на чужія страданія, она не
- B. находитъ для себя постыднымъ,—когда другой, выдаваемый за человѣка добраго, безвременно скорбитъ, хвалить его и жалѣть, напротивъ видитъ въ этомъ собственную корысть—удовольствіе, и не хочетъ лишиться ея чрезъ пренебреженіе всего стихотворенія. Размыслить же способны, думаю, немногіе, что наслаждаться чужимъ необходимо въ своемъ: между тѣмъ какъ выкормившій сильную жалость въ отношеніи

къ чужому, нелегко можетъ удерживать ее въ собственныхъ своихъ страданіяхъ.—Весьма справедливо, молвилъ онъ.— Не то же ли самое надобно сказать и о смѣшномъ? То, что для возбужденія смѣха постыдился бы ты сдѣлать самъ, это именно, доходя до твоихъ ушей частно ¹, въ подражаніи комическомъ, сильно радуешь тебя и не кажется ненавистнымъ, какъ дурное, стало-быть, производить то же, что бываетъ и при сожалѣніи; ибо что въ тебѣ, хотѣвшее возбудить смѣхъ, ты удерживалъ умомъ, боясь прослыть площаднымъ шуткомъ, то теперь попускаешь и, сдѣлавъ это сильнымъ тамъ, часто забываешь, что перенесенное въ собственныя твои условія, оно разыгрываетъ комедію и въ тебѣ самомъ ². — И очень, сказалъ онъ. — То же производится въ насъ поэтическимъ подражаніемъ относительно къ сладострастію, гнѣву и всѣмъ въ душѣ пожеланіямъ, скорбямъ и удовольствіямъ, которыя, говоримъ, слѣдуютъ за всякимъ нашимъ дѣломъ; ибо оно питаетъ и поливаетъ то, что должно бы засыхать, дѣлаетъ правительственнымъ въ насъ то, что должно бы подчиняться, чтобы, вмѣсто худшихъ и жалкихъ, мы были лучшими и счастливейшими. — Неиначе могу говорить и я, сказалъ онъ. — Итакъ, если ты, Главконъ, примолвилъ я, встрѣтишься съ Е. хвалителями Омира, которые говорятъ, что этотъ поэтъ воспиталъ Элладу и, въ видахъ благоустроенія и развитія чело- вѣческихъ дѣлъ, стѣбитъ того, чтобы, перечитывая его стихотворенія, изучать ихъ на память и по тѣмъ правиламъ строить всю свою жизнь; то ты люби ихъ и привѣтствуй какъ лю- 607.

¹ Доходя до твоихъ ушей частно (*idiō*), въ подражаніи комическомъ. Здѣсь *idiō* должно быть относимо не къ *ἐν μίμησει κωμικῆ*, а къ глаголу *ἀκούειν*; ибо рѣчь идетъ о слушаніи комическихъ басенъ, которыя *ἰδιᾶ ἀκούοντες χείρουν*, то-есть внутренно сами въ себѣ чувствуютъ удовольствіе. Поэтому *ἰδιᾶ* здѣсь противуполагается предъидущему *αὐτὸς γέλατοποιῶν*, въ чемъ заключается понятие о дѣйстви публичномъ: то, что для возбужденія смѣха (т.-е. въ другихъ, въ публикѣ) постыдился бы ты сдѣлать самъ; это именно находишь пріятнымъ, когда принимаешь и лелѣешь внутренно, въ собственномъ своемъ сердцѣ.

² Сдѣлавъ это сильнымъ тамъ, т.-е. усиливъ низшую часть своей души, расположенную къ смѣху, ты часто безъ сознанія и самъ, въ дѣлахъ собственныхъ, порываешься сдѣлаться комикомъ.

дей наилучшихъ, какими только они могутъ быть, и согласайся, что Омиръ — поэтъ величайшій и первый изъ трагиковъ; однакожь знай, что онъ долженъ быть принимаемъ въ городъ, насколько лишь берутся въ расчетъ его гимны богамъ и похвалы добрымъ людямъ. А какъ скоро примешь ты его музу, подслащенную лирическими и эпическими стихотвореніями, — въ городъ, вмѣсто закона и того, что по общему мнѣнію признается наилучшимъ, будутъ царствовать удовольствіе и скорбь. — Весьма справедливо, сказалъ онъ. —

- B. Такъ пусть это припоминаніе оправдаетъ насъ предъ поэзією, что ее такую мы тогда изгнали изъ города справедливо; къ этому увлекъ насъ умъ. Пусть она не обвиняетъ насъ въ жестокости и грубости; скажемъ ей, что философія и поэзія издавна въ какомъ-то разладѣ ¹. Вотъ поговорки ²: та ворк-ливая собака лаетъ и на господина; по болтовнѣ безумцевъ,
- C. онъ великъ; толпа сильнѣе Зевсовыхъ мудрецовъ; они тонки (въ своихъ помыслахъ), потому что бѣдны. Есть множество и другихъ признаковъ старинной ихъ ссоры. Впрочемъ, да будетъ сказано, что и мы, если подражательная поэзія для удовольствія представить намъ основаніе, по которому въ благоустроенномъ городѣ она должна быть, — и мы охотно примемъ ее; потому что сами сознаемъ себя въ восторгѣ отъ ней: но быть предателемъ того, что кажется истиннымъ, нечестиво.
- D. Не восхищаешься ли ею, другъ мой, и ты, особенно когда созерцаешь ее въ стихѣ Омировомъ? — И очень. — Поэтому не справедливо ли будетъ снизойти къ ней и позволить ей оправдаться или лирически, или какимъ другимъ метромъ? — Конечно. — Позволимъ также, вѣроятно, и покровителямъ ея, — всѣмъ не поэтамъ, а любителямъ поэтовъ, защищать ее безъ метра,

¹ О древнемъ разладѣ между философією и поэзією см. Legg. XII, р. 967 С. D. Apol. Socr. р. 19 А, р. 26 Е. *Morgenstern*. Commentt. р. 263 sq.

² Этихъ поговорокъ, сколько намъ извѣстно, у древнихъ писателей не встрѣчается. Вѣроятно, онѣ ходили въ народѣ и взяты съ комической сцены, которая выражала ими свою ненависть къ философіи. Впрочемъ, Шлейермахеръ подозреваетъ, что поговорка: «по болтовнѣ безумцевъ, онъ великъ», отзывается тономъ Гераклита.

и доказывать, что она для гражданскаго общества и человѣческой жизни нетолько пріятна, но и полезна, и благосклонно выслушаемъ ихъ, потому что сами получимъ выгоду, если Е. она окажется нетолько пріятною, но и полезнаю. — Какъ не получить выгоды? сказалъ онъ. — А если нѣтъ, любезный другъ, то какъ любящіе что-нибудь, находя любовь свою неполезною, хотя черезъ силу, однакожь удерживаются: такъ и мы, благодаря тому, что воспитаніе подъ прекраснымъ правленіемъ внушило намъ любовь къ такой поэзіи, будемъ казаться благосклонными къ ней, какъ къ наилучшей и самой истинной; но когда она не въ состояніи будетъ оправдаться, — станемъ слушать ее подъ обаяніемъ ума и заговора, о которомъ упоминали, остерегаясь, какъ бы снова не поддаться ребячьей и площадной любви. Будемъ знать, что не слѣдуетъ занимать эту поэзію, какбы она имѣла въ виду истинное и серьезное: напротивъ, внимающій ей долженъ быть остороженъ, боясь за внутреннее свое правленіе, и помнить то, что мы говорили о ней. — Совершенно согласенъ, сказалъ онъ. — Вѣдь в. это — великій подвигъ, любезный Главконъ, примолвилъ я, — великій не въ той лишь степени, въ какой кажется, быть ли, то-есть, добрымъ, или злымъ; это такой подвигъ, что ни честь, ни богатство, ни всякая власть, ни самая поэзія не стоятъ того, чтобы для нихъ мы нерадѣли о справедливости и прочихъ добродѣтеляхъ. — Основываясь на томъ, что рассмотрѣно, я соглашаюсь съ тобою, сказалъ онъ; да полагаю, что согласится и всякій. —

Однакожь, мы не рассмотрѣли еще, замѣтилъ я, величайшаго воздаянія за добродѣтель и предполагаемыхъ наградъ. — Это будетъ великость изумительная, сказалъ онъ, если есть награды другія, больше тѣхъ, о которыхъ было говорено. — Но въ короткомъ времени чему быть великому! примолвилъ я. Вѣдь все это-то время — отъ дѣтства до старости, — сравнительно съ цѣлымъ временемъ, должно быть какое-то короткое ¹. — Даже

¹ Эту мысль весьма хорошо и съ разныхъ сторонъ раскрываетъ Сенска

ничтожное, сказалъ онъ.—Что же? думаешь ли, что существо бессмертное должно простирать свои заботы на столь краткое время, а не на все?—Думаю, отвѣчалъ онъ; но что хочешь ты сказать?—Не чувствуешь ли, спросилъ я, что душа наша бессмертна и никогда не погибаетъ?—При этомъ Главконъ, взглянувъ на меня съ удивленіемъ, примолвилъ: клянусь Зевсомъ, не чувствую; а ты можешь сказать это?—Если только не буду несправедливъ, отвѣчалъ я: впрочемъ, скажешь, думаю, и ты; ибо нѣтъ ничего труднаго.—А какъ скоро для меня нетрудно, примолвилъ онъ, готовъ слушать тебя съ удовольствіемъ.—Потрудись послушать¹, сказалъ я.—Только говори.—

Б. Называешь ли ты что-нибудь добромъ и зломъ? спросилъ я.—Называю.—А такъ же ли мыслишь объ этомъ, какъ я?—Какъ, то-есть?—Все губящее и разрушающее есть зло, а все сохраняющее и приносящее пользу—добро.—Такъ мысля и я, сказалъ онъ.—Что же? зломъ и добромъ не признаешь ли ты для каждой вещи чего-нибудь,—напримѣръ, для глазъ—слѣпоты, для всего тѣла—болѣзни, для хлѣбныхъ зеренъ—медвенной росы², для деревъ—гниенія, для мѣди и желѣза—ржавчины? не допускаешь ли ты, говорю, вообще, что каждой вещи свой-

(Epist. 77). Nulla vita est non brevis. Nam si ad naturam rerum respexeris, etiam Nestoris et Statiliae brevis est, quae inscribi monumento suo jussit annos se nonaginta novem vixisse. (Epist. 90). Omnes, quantum ad brevitatem aevi, si universo compares, et senes et juvenes in aequo sumus. Minus enim ad nos ex omni aetate venit, quam quod minimum esse quis dixerit, quoniam quidem minimum aliqua pars est, hoc, quod vivimus, proximum nihilo est. — Propone profundi temporis vastitatem et universum complectere; deinde hoc, quod aetatem vocamus humanam, compara immenso: videbis quam exiguum sit quod optamus, quod extendimus.

¹ *Потрудись послушать*, ἀκούεις ἄν, — формула вѣжливости, въ которой повелительное наклоненіе замѣняется желательнымъ. У насъ она чаще предлагается вопросительно: не угодно ли послушать? а у Германцевъ — положительно: Du würdest или dürftest es anhören. Подобнымъ образомъ Tim. p. 19 B: ἀκούσιτ' ἄν ἤδη τὰ μετὰ ταῦτα περὶ τῆς πολιτείας.

² Греческое ἐρυσίβη мы принимаемъ въ значеніи медвенной росы; а схолиастъ объясняетъ это слово такъ: Σηρίδιόν τι ἐν τῷ σίτῳ γινόμενον, ὃ λυρσίνεται τὸν καρπὸν. Τινὲς δὲ νότον ἐκ τοῦ περιέχοντος ἐπιγυρομένην τοῖς σπέρμασιν. Сн. *Ruhnken*. ad Tim. Gloss. p. 123.

ственны—извѣстное зло или извѣстная болѣзнь?—Допускаю, сказалъ онъ. — Стало-быть, какъ скоро что-либо изъ этого прираждается чему-нибудь, природившееся не дѣлаетъ ли зла тому, чему природилось, и наконецъ не разрушаетъ ли, не губить ли это цѣлостно?—Какъ не губить? — Слѣдовательно, зло и порча, свойственныя недѣлимому, губятъ недѣлимое; если же не губить его это, то другое-то ничто не можетъ погубить; ибо добро вѣдь никогда ничего не губить, равно В. какъ и то, что не есть ни добро ни зло.—Какъ губить ему? сказалъ онъ. — Стало-быть, если между существами мы найдемъ такое, у котораго хотя и есть свое зло, и оно дѣлаетъ его худымъ, но не въ состоянїи разрушить, чтобы погубить; то не будемъ ли уже знать, что это существо, по самой природѣ, не подвержено гибели? — Да, вѣроятно, сказалъ онъ. — Что же? спросилъ я, въ душѣ нѣтъ ли чего-нибудь, что дѣлаетъ ее злою?—И очень, отвѣчалъ онъ;—все, что мы доселѣ С. рассмотрѣли, то-есть, несправедливость, невоздержанїе, трусость, невѣжество.—Такъ разрушаетъ ли и губить ли ее что-нибудь такое? Размысли, чтобы намъ не обмануться, думая, будто человѣкъ несправедливый и безумный, будучи обличенъ въ несправедливости, погибаетъ отъ ней, какъ отъ существенной порчи. Но дѣлай это слѣдующимъ образомъ: какъ порчатъ-ла, то-есть болѣзнь, измождаетъ и разрушаетъ тѣло и приводитъ его къ тому, что оно даже перестанетъ быть тѣломъ, равно какъ и все, о чемъ мы недавно говорили, разрушаясь отъ свойственнаго себѣ зла,—все, къ чему оно приразилось и приви- D. лось, возвращается къ небытію—не правда ли?— Да. — Такимъ же точно способомъ разсматривай и душу. Дѣйствительно ли привившаяся къ ней несправедливость и другая язва, своимъ привитїемъ и прираженїемъ разрушаетъ ее и изсушаетъ, пока, доведши до смерти, не отдѣлитъ ея отъ тѣла? — Этого-то никакъ не бываетъ, сказалъ онъ. — Однакожь и несообразно, примолвилъ я, что чужое зло губить что-нибудь, а свое не губить. — Несообразно. — Размысли-ка Главконъ, продол- E. жалъ я: вѣдь мы не думаемъ, что тѣло должно погибнуть отъ

порчи кушаньевъ, какова бы ни была ихъ давность, протухлость, или что другое; но если порча кушаньевъ зародить въ тѣлѣ порчу тѣлесную, мы скажемъ, что тѣло, при посредствѣ ихъ, погибло отъ собственнаго зла — отъ болѣзни; а отъ порчи кушаньевъ, которыя—не то, что тѣло, какъ отъ зла чужаго, пока оно не зараждаетъ зла, свойственнаго тѣлу, тѣло, будемъ утверждать, никогда не разрушится. — Очень правильно говоришь, сказалъ онъ. — По этой же самой причинѣ, продолжалъ я, порча тѣла, какъ зло другое для другаго, не можетъ сообщать душѣ порчи душевной; и мы никогда не согласимся, что душа погибаетъ отъ зла чужаго, безъ порчи собственной. — Основательно, сказалъ онъ. — Итакъ, либо обличимъ себя, что говоримъ нехорошо, либо, пока не будемъ обличены, никакъ не скажемъ, что душа или отъ горячки, или отъ другой болѣзни, или отъ меча, — на какія бы малыя части кто ни изрѣзалъ цѣлое тѣло, — по этимъ причинамъ когда-нибудь погибаетъ; развѣ пусть докажутъ намъ, что чрезъ эти тѣлесныя страданія она дѣлается несправедливѣе и нечестивѣе. Пока въ чемъ-нибудь есть зло чужое, а свойственнаго отдѣльной вещи нѣтъ; дотолѣ мы никому не позволимъ

C. утверждать, что душа, или что другое подвержено гибели. — Но того-то, конечно, никто не докажетъ, сказалъ онъ, что души умирающихъ, отъ смерти дѣлаются несправедливѣе. — А кто, не желая поставить себя въ необходимость признавать душу безсмертною, осмѣлится туда же идти съ своимъ словомъ и говорить, что умирающій бываетъ злѣе и несправедливѣе; тому мы, конечно, скажемъ, что, какъ скоро говорящій это говоритъ правду, — несправедливость для того, кто ее имѣетъ,

D. смертоносна, какъ болѣзнь, и что, такъ какъ она убиваетъ своею природою, принимающіе ее умираютъ — одни, больше причастные ей, — скорѣе, другіе, меньше, — медленнѣе, между тѣмъ какъ теперь не то — несправедливые умираютъ отъ казни за несправедливость, предписываемой другими. — Но ради Зевса, сказалъ онъ; несправедливость, стало-быть, является не очень страшною, если для принимающаго ее она смер-

тоносна; потому чрезъ нее люди избавлялись бы отъ бѣдъ. Откроется, думаю, скорѣе совершенно противное: она убиваетъ, сколько можетъ, другихъ, а кто имѣетъ ее, того дѣлаетъ очень Е. живущимъ, да и кромѣ живучести, еще бодрствующимъ. Такъ-то далека она, какъ видно, отъ того, чтобы вселяться ей въ шатерь смертоносности.—Ты прекрасно говоришь, примолвилъ я. Если же собственная-то порча и собственное зло для убіенія и погубленія души недостаточны; то зло, назначенное на погибель иной вещи, едва ли погубить душу, или что другое, кромѣ того, для чего оно назначено.—Едва ли-таки, по всей вѣроятности, сказалъ онъ.—Если же душа никогда не погибаетъ ни отъ одного зла—ни отъ собственного, ни отъ чужаго; то явно, что ей необходимо быть всегда: а если душа 611. существуетъ всегда, то она бессмертна. — Необходимо, сказалъ онъ. —

Пусть же это будетъ такъ, примолвилъ я. Но когда такъ, —ты поймешь, что души всегда тѣ же ¹; ибо какъ скоро ни одна изъ нихъ не погибаетъ, то ихъ не можетъ быть ни меньше, ни больше; потому что, еслибы бессмертныхъ душъ стало нѣсколько больше, онѣ сдѣлались бы, знаешь, изъ смертныхъ, такъ что наконецъ были бы всѣ бессмертны. — Правду говоришь.—А думать такъ тоже нельзя, сказалъ я, ибо разумъ В. не позволяетъ; да и опять-таки,—по истиннѣйшей своей природѣ, душа не можетъ быть такою, чтобы сама въ себѣ имѣла великое разнообразіе, несходство и различіе.—Какъ ты говоришь? спросилъ онъ.—Нелегко быть вѣчнымъ тому, отъ вѣчалъ я, что сложно изъ многихъ частей и пользуется сложностію непрекрасною, каковымъ существомъ показалась намъ теперь душа. — Это, въ самомъ дѣлѣ, невѣроятно. — Между тѣмъ, бессмертіе души необходимо требуется и приведеннымъ

¹ Изложивъ первое доказательство бессмертія души, состоящее въ томъ, что душа не можетъ погибнуть ни отъ чужаго, ни отъ своего зла, философъ приступаетъ теперь къ другому и говоритъ, что въ душѣ нѣтъ никакой измѣняемости и непостоянства.

- сейчасъ доказательствомъ, и другими ¹; только какова душа
- С. по истинѣ—для этого надобно созерцать ее не въ поврежденномъ состояніи, происходящемъ отъ общенія ея съ тѣломъ и съ другими началами зла, какъ созерцаемъ мы ее теперь, а въ состояніи чистомъ, которое достаточно созерцается умомъ: тогда-то ты найдешь ее гораздо прекраснѣе и разглядишь яснѣе справедливыя и несправедливыя ея дѣйствія, и все, что доселѣ было разсматриваемо. Теперь мы говорили о ней правду относительно лишь къ тому, какою является она въ настоящемъ,—именно, созерцали ее расположенною такъ, какъ елибы смотрѣли на Главкона ², живущаго въ морѣ, и нелегко узнавали прежнюю его природу—оттого, что изъ прежнихъ частей его тѣла однѣ переломались, другія стерлись и совершенно испорчены волнами, иныя же приросли вновь, образовавшись изъ раковинъ, морскихъ мховъ и кремней, до того, что его природа стала походить гораздо скорѣе на звѣриную, чѣмъ на прежнюю. Такъ созерцаемъ мы и душу, исполненную множествомъ золъ. Напротивъ, вотъ на что надобно смотрѣть,
- Е. Главконъ.—На что? спросилъ онъ.—На философію души ³, и наблюдать, къ чему она привязывается, въ какія вдается бесѣды, какъ сродная съ божественнымъ, безсмертнымъ и всегда сущимъ, и какою сдѣлалась бы, слѣдуя этому вся, съ такимъ усиліемъ вынырнувши изъ моря, въ которомъ она те-

¹ Подъ другими доказательствами безсмертія души философъ разумѣетъ, вѣроятно, тѣ, которыя изложены въ Федрѣ и Федонѣ.

² Главконъ, живущій въ морѣ, не есть *ὑπὸ τῆς θάλασσης* того Главкона, съ которымъ бесѣдуетъ Сократъ; это есть лицо мифологическое, о которомъ схолиастъ говоритъ такъ: «Главконъ былъ сынъ Сизифа и Меры, — морской геній. Очувтившись предъ источникомъ безсмертія и сошедши въ него, онъ сталъ безсмертнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему нельзя было никому показать своего безсмертія, и онъ бросился въ море, гдѣ вмѣстѣ съ морскими чудовищами ежегодно обтекаеть всѣ побережья и острова, предсказывая одни несчастія» и т. д. Сравни. *Athenaei* VII, 12. *Schleiermach.* p. 617 sq.

³ На философію души, то-есть на существенное дѣло самопознанія, на практическое изученіе психологіи по той жизненной методѣ, какую Сократъ преподаетъ своимъ ученикамъ въ Федонѣ p. 79 A sqq., гдѣ доказывается, что душа должна быть относима къ природамъ простымъ и божественнымъ.

перь, и стряхнувъ съ себя кремни и раковины, которыми обложена въ настоящее время, такъ какъ питается землею, и отъ столовъ, называемыхъ столами счастья, обрасла земными, 612. каменными и дикими принадлежностями. Тогда-то можно было бы увидѣть истинную ея природу, — многовидна ли она, или одновидна, вообще, какова въ себѣ и какъ устроена. Теперь же состоянія и виды человѣческой жизни, мы, какъ я думаю, порядочно раскрыли. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. —

Итакъ, своимъ разсужденіемъ, продолжалъ я, не оправдались ли мы между прочимъ и въ томъ отношеніи, что справедливости не присвоили ни награды, ни славы, какъ присвоятъ ей это, говорили вы ¹, Исідъ и Омиръ, и не нашли ли, что справедливость въ душѣ сама по себѣ есть величайшее благо, и что совершать справедливое надобно ей, обладает ли она кольцомъ Гигеса, и кромѣ этого кольца, — шлемомъ Аида ², или не обладает? — Совершенная правда, сказалъ онъ. — Не возбудимъ ли мы теперь зависти, Главконъ, спросилъ я, полагая кромѣ того, что справедливости и всякой добродѣтели воздаются еще награды, какія, по роду и великости ихъ, могутъ быть воздаваемы душѣ и отъ людей и отъ боговъ, и при жизни человѣка, и когда онъ скончается? — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — Такъ отдадите ли вы мнѣ то слово, которое взяли взаймы? — Какое слово? — Я далъ вамъ положеніе, что справедливый кажется несправедливымъ, а несправедливый — справедливымъ; ибо вы думали, что хотя это и не можетъ укрыться ни отъ боговъ ни отъ людей, однакожъ для поддержанія своего доказательства, требовали уступки, чтобы, то-есть, спра-

¹ Сократъ приводитъ теперь на память то, чего требовалъ Главконъ Libr II, p. 361 В. С: ἀρετέων δὴ τὸ δοκεῖν κ. τ. λ. γυμνωτίος δὲ πάντων (ὁ δίκαιος), πλὴν δικαιοσύνης κ. τ. λ., и чего домогался также Адимантъ p. 367 В — D: τὰς δὲ δόξας ἀφαιρέσει, ὡς περὶ Γλαυκῶν διεκτελεύσεται εἰ ἄρ' μὴ ἀφαιρήσεις κ. τ. λ. — μετῴους δὲ καὶ δόξας πάρεσ ἄλλοις ἐπαίνειν κ. τ. λ.

² О кольцѣ Гигеса см. Libr. II, p. 359 D. Шлемъ Аида, или Ада (преисподней), говорятъ, имѣлъ силу дѣлать невидимымъ того изъ боговъ, кто возлагалъ его на свою голову. См. Нот. II. V, 845, гдѣ Минерва, надѣвъ на себя шлемъ Плутона, отвела глаза Марса.

- ведливость была судима сама въ себѣ по несправедливости
- D. самой въ себѣ. Или не помнишь?—Я былъ бы несправедливъ, еслибы сказалъ: не помню, примолвилъ онъ. — Но такъ какъ справедливость и несправедливость теперь обсужены, то я снова требую, въ пользу справедливости, чтобы славу, какую она имѣетъ у боговъ и людей, и вы своимъ согласіемъ признали справедливою. Пусть несетъ справедливость побѣдные трофеи и, поддерживаемая самыми мнѣніями, передаетъ ихъ тѣмъ, которые пріобрѣли ее, если открылось уже, что и по своему существу, она даритъ блага и не обманываетъ людей, существенно принимающихъ ее.—Справедливо требуешь, сказалъ
- E. онъ. — Итакъ, прежде отдайте то, продолжалъ я, что отъ боговъ-то не укрывается, кто каковъ изъ двоякаго рода людей. — Отдаемъ, сказалъ онъ. — Если же они не укрываются, то справедливый будетъ боголюбезень, а несправедливый богоненавистень, въ чемъ мы согласились при самомъ началѣ. — Такъ. — Но не согласимся ли, что для боголюбезнаго все, что про-
613. исходитъ отъ боговъ, происходитъ какъ самое лучшее благо, если не прилучится ему какого-нибудь необходимаго зла отъ перваго грѣха?—Конечно.—Слѣдовательно, человѣкъ справедливый живетъ ли въ бѣдности, страдаетъ ли отъ болѣзней, или отъ другихъ кажущихся золъ, о немъ надобно судить такъ, что это окончится для него добромъ, или при жизни, или по смерти; вѣдь боги-то никогда не оставляютъ того, кто усердно хочетъ сдѣлаться справедливымъ и, упражняясь въ добродѣтели, сколько возможно человѣку, старается уподобляться
- V. Богу. — Вѣроятно, сказалъ онъ, что такого не оставитъ тотъ, кому онъ подобенъ.—А о несправедливомъ не должно ли мыслить напротивъ?—Непремѣнно.—Такъ у боговъ для справедливаго, должно быть, есть такія какія-то трофеи побѣды.—Да и по моему мнѣнію, сказалъ онъ.—Что же у людей? спросилъ я:—если сказать правду,—не слѣдующее ли бываетъ? Люди хитрые и несправедливые не то же ли дѣлаютъ, что бѣгуны, которые снизу бѣгутъ хорошо, а сверху нѣтъ? Въ первомъ случаѣ они сильно скачутъ, а при концѣ дѣлаются смѣш-

ными, кладутъ уши на плечи и уходятъ неувѣнчанные. Между тѣмъ истинные скороходы, добѣжавъ до конца, получаютъ награды и увѣнчиваются. Не то же ли самое случается большею частію и съ справедливыми? Не при концѣ ли каждаго дѣла, каждой связи и жизни прославляются они и получаютъ отъ людей награды?—И очень.—Слѣдовательно, ты позволишь мнѣ о справедливыхъ сказать то, что самъ говорилъ о несправедливыхъ. Вѣдь я скажу, что справедливые, ставъ постарше, D. несутъ въ городѣ правительственныя должности, какія хотятъ, берутъ себѣ жену, откуда хотятъ, выдаютъ дочерей, за кого хотятъ,—и все, что ты говорилъ о тѣхъ, я говорю теперь объ этихъ. Скажу опять и о несправедливыхъ, что многіе изъ нихъ если въ молодости и таятся, то пришедши къ концу поприща, дѣлаются смѣшными и, доживъ до старости, бѣдныя, бывають предметомъ поношенія у иностранцевъ и горожанъ, подвергаются побоямъ и, что, говоря справедливо, почелъ бы ты наказаніемъ самымъ жестокимъ, колесуются и ослѣпляются раскаленнымъ желѣзомъ. Все это объ ихъ страданіяхъ ты, почитай, слышалъ отъ меня. Но что я говорю, смотри, допустишь ли?—И очень, сказалъ онъ; потому что ты говоришь справедливо. —

Итакъ, кромѣ благъ, которыя даетъ справедливость, разсматриваемая сама въ себѣ, продолжалъ я, вотъ какія награды, воздаянія и дары человѣкъ справедливый получаетъ отъ боговъ и людей еще при жизни.—Конечно, сказалъ онъ,—прекрасныя и прочныя.—Но эти, примолвилъ я, ни по качеству, ни по количеству, ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣми воздаяніями, которыя какъ справедливыхъ такъ и несправедливыхъ ожидаютъ по смерти. Надобно слышать о нихъ, чтобы тотъ и другой совершенно понялъ, что полезнаго долженъ онъ получить отъ нашей бесѣды. — Говори, сдѣлай милость, сказалъ онъ, и вѣрь, что немного предметовъ, о которыхъ я слушаю съ такимъ удовольствіемъ. — Впрочемъ, приведу разсказъ B. то вѣдь не Алкиноя ¹, примолвилъ я, а мужественнаго человѣка.

¹ Разсказъ или апологъ Алкиноя у Грековъ вошелъ въ пословицу, которую Соч. Плат. Т. III.

- Жиль Ир¹, сынъ Арменія, родомъ изъ Памфилии. Онъ былъ убитъ на войнѣ. Когда чрезъ десять дней стали собирать тѣла убитыхъ, которыя уже испортились, тѣло Ира найдено неповредившимся и принесено домой для погребенія. Но здѣсь, пролежавъ на кострѣ двѣнадцать дней, Иръ ожилъ и, оживши, рассказывалъ, что тамъ видѣлъ. Какъ скоро душа его вышла
- С.** изъ тѣла, говорилъ онъ, тотчасъ пошла со многими другими, и прибыли онѣ въ какое-то дивное мѣсто, гдѣ земля имѣетъ двѣ, взаимно соединенныя разсѣлины², а противъ нихъ—вверху, двѣ разсѣлины неба. Между ними сидѣли судьи, которые, окончивъ судъ, справедливымъ приказывали идти направо—вверхъ, чрезъ небо, и судимымъ напечатлѣвали знаки на челѣ, а несправедливыхъ посылали налѣво—внизъ, тоже съ
- Д.** знаками назади, которые показывали все, что они дѣлали. Потомъ, подошедши къ Иру, они сказали: этого надобно послать вѣстникомъ къ живущимъ тамъ людямъ, и приказали ему выслушать въ томъ мѣстѣ и осмотрѣть все. Итакъ, вотъ онъ видитъ души, отшедшія въ обѣ разсѣлины неба и земли, когда оконченъ былъ надъ ними судъ; между тѣмъ съ другой стороны

означаемо было длинное и баснословное повѣствованіе. Svidas: 'Ἀπόλογος Ἀλκίνοιο ἐπὶ τῶν φλαραρούτων καὶ μακρῶν ἀποτεινόντων λόγων. Полагаютъ, что эта пословица взята изъ Омировой Одиссеи (i, κ', λ', μ'), гдѣ Улиссъ, на пиру ееакскаго царя Алкиноя, рассказываетъ басни о преисподней и чудовищныя выдумки о лотофагахъ, дестригонахъ и другихъ подобнаго рода предметахъ. См. Schol. ad h. l. и *Erasm. Adag. Chil. II. Cent. IV, 32, p. 388.*

¹ Рассказъ объ Ирѣ приводится весьма многими писателями, напримѣръ: *Plutarch. Sympos. IX, 5, p. 740. Justin. Cohort. ad gent. p. 101. Clement. Alex. Strom. V, p. 598. Origen. c. Cels. II, 16. T. I, p. 402, ed. Paris. Cyrill. c. Julian. VII, p. 250. Theodoret. Serm. XI, p. 653. Valer. Maxim. I, 8, 1. Augustin. de Civit. Dei XXII, 28. Macrob. in Somnis Scip. I, 1, 2 et 5.* Но откуда взять этотъ рассказъ,—неизвѣстно. Всѣ указываютъ на сочиненія Платона, какъ на первый его источникъ. А по Клименту, Иръ былъ некто другой, какъ Зороастръ: къ этой мысли привели его начальныя слова приписываемой Зороастру книги; но эта книга родилась едва ли не въ александрійской школѣ.

² «Duo ostia: alterum, per quod animae descendunt in corpora; alterum, per quod e vita redeunt. *Plutarch. Gen. Socr. p. 591 C: unum χάσμα ponit, per quod animae adscendant ac descendant. Vid. Wittenb. ad Plut. De S. N. V, p. 114, et ad Phaedon. p. XLII. Astius.*» См. что своимъ образомъ говорить объ этомъ *Порфирій De antro Nymph. p. 364, 268 sq.*

восходили изъ земли другія, до крайности грязныя и запыленныя, а со стороны противоположной,—съ неба, нисходили чистыя. И всѣ прибывшія, казалось, совершили очень дальній Е. путь и, весело вышедши на лугъ, образовали какбы праздничное собраніе: знакомыя привѣтствовали другъ-другу; небесныя спрашивали пришедшихъ изъ земли — о томъ, что тамъ, а земныя—пришедшихъ съ неба—о томъ, что у нихъ. Съ слезами и стонами рассказывали онѣ одна другой свои воспоминанія, сколько сами испытали и какія видѣли страданія 615. въ своемъ путешествіи подъ землею,—а это путешествіе продолжалось тысячу лѣтъ; тѣ же, что съ неба, описывали свои наслажденія и, по красотѣ, чрезвычайныя зрѣлища. Но о многомъ, Главконъ, рассказывать долго; главное въ его рассказѣ было слѣдующее: Сколько бы неправдъ ни сдѣлалъ кто и кому бы ни сдѣлалъ,—за все и за всѣхъ воздавалось ему пропорціонально—въ десять разъ, и это по столѣтіямъ—ибо такимъ именно временемъ опредѣлялась человѣческая жизнь, — В. чтобы наказаніе за неправду было дѣйствительно десятикратное. Поэтому, кто былъ виновникомъ многихъ смертей, предателемъ городовъ или войскъ, поработителемъ ихъ и причастникомъ другихъ злодѣяній; тотъ за все это порознь переносилъ десятикратныя страданія: и опять, — кто расточалъ благодѣянія, былъ справедливъ и благочестивъ; тотъ въ такой же пропорціи получалъ награду. Чтѣ говорилъ онъ о тѣхъ, которые умирали, только что родившись, и жили недолго, о томъ С. не стоитъ упоминать. Но говоря о благочестіи и нечестіи въ отношеніи къ богамъ и родителямъ, и о сознательномъ злодѣяніи, онъ приводилъ себѣ на память еще большія воздаянія. При мнѣ, говоритъ, одинъ спрашивалъ у другаго: гдѣ теперъ великій Аридей? А этотъ Аридей былъ тираннъ одного памфилійскаго города, жившій за тысячу лѣтъ D. до того времени, убившій, какъ рассказываютъ, своего отца-старика и старшаго брата, и совершившій много другихъ нечестивыхъ дѣлъ. Тотъ, котораго спросили объ Аридеѣ, отвѣчалъ, говоритъ, такъ: онъ не пришелъ, да полагаютъ, что и

не можетъ придти сюда ¹. Въдъ вотъ какое страшное видѣли мы зрѣлище: когда, вытерпѣвши уже прочія свои страданія, мы находились близъ устья разсѣлины и готовы были выдти, —вдругъ видимъ его и другихъ весьма многихъ, почти такихъ же тиранновъ; были съ ними и нѣкоторые частные люди—совершители великихъ грѣховъ. Когда они думали уже взойти,—устье не принимало ихъ и, лишь только который-нибудь изъ этихъ неисцѣлимыхъ, или не довольно еще наказанныхъ злодѣевъ хотѣлъ выступить, издавало ревъ. Тутъ-то, почтеннѣйшіе, говорилъ онъ, являлись существа дикія, на видъ огненные, и повинуюсь реву устья, брали ихъ поодиночкѣ и уводили, а Аридея и другихъ, связавъ по ногамъ, рукамъ и головѣ, бросили наземь и, содравши съ нихъ кожу, волокли ихъ у окраины дороги по колючему кустарнику, причемъ прохожимъ давали знать, за что терпятъ они такія мученія, прибавляя, что волокутъ ихъ, съ намѣреніемъ бросить въ тартаръ, гдѣ, говоритъ, выше другихъ многихъ и различныхъ внушенныхъ имъ страховъ, будетъ страхъ, какъ бы каждому, когда онъ станетъ восходить, не пробудить того рева, чтобы всякій, при молчаніи устья, восходилъ съ удовольствіемъ. Таковы-то тамъ суды и казни! Соотвѣтственны имъ также и В. награды. Проведшіе на лугу семь дней—на восьмой должны были подняться оттуда, идти, и въ четыре дня прибыть на то мѣсто, съ высоты котораго увидятъ они простирающійся чрезъ все небо и землю прямой свѣтъ, въ видѣ столпа ², подобный особенно Ирисѣ, только блистательнѣе и чище ея. Къ тому

¹ И не можетъ придти сюда, οὐδ' ἂν ἤξει δεῦρο. Частица ἂν, поставляемая большею частію предъ сослагательнымъ и желательнымъ наклоненіями, весьма рѣдко встрѣчается предъ будущимъ наклоненіемъ изъявительнаго; и это бываетъ не безъ особеннаго отгвѣна рѣчи. Apolog. p. 29 C: ὡς, εἰ διαφευξομένην, ἥδη ἂν ὑμῶν οἱ υἱεῖς — διαφθαρῆσονται. Phaedon. p. 61 C: οὐδ' ὀπισθοστοῦν ἂν σοι ἐκὼν εἶναι πεῖσεται. Примѣры такого словосочиненія представляетъ Schaeferus ad Gregor. Corinth. p. 66, и другіе. Но почему ἂν соединяется съ будущимъ, старался объяснить Reisingius de ἂν particula p. 99 sqq. Conf. Rost. Gramm. § 120 C p. 459, ed. 3. Иначе полагаетъ Hermannus, который со всею тонкостію критика прослѣдилъ употребленіе этой частицы. Lib. I, cap. VIII.

² Этотъ прямой свѣтъ, или опредѣляющаяся полюсами колонна свѣта, по

свѣту достигаютъ они въ одинъ день пути и тамъ, среди свѣ- С.
та, видятъ висящія концы небесныхъ связей; потому что этотъ
свѣтъ есть союзъ неба, связующій всю его окружность, по-
добно обвязкѣ, скрѣпляющей корабли ¹. На тѣхъ концахъ ви-
сигъ веретено необходимости ², дающее вращательное движе-
ніе всѣмъ окружностямъ. Стрѣлка и крючокъ веретена сдѣ-
ланы изъ стали, а пятка составлена изъ этого и другихъ ро- D.
довъ. Природа веретенной пятки—такова: по виду она не от-
личается отъ здѣшной; но судя по описанію Ира, надобно по-
лагать въ ней нѣчто похожее на то, что въ одну большую,
пустую и выдолбленную пятку веретена, во всю ея величину,
вложена другая такая же, относительно къ ней меньшая, по-
добно тому, какъ вкладываются одинъ въ другой сосуды. По-
томъ во второй помѣщена такимъ же образомъ третья, въ

изъясненію Бэка (de Platon. Systemate Cœlest. Globor. p. VI), есть не что иное,
какъ млечный путь. Это мнѣніе правится и Шлейермахеру.

¹ По мнѣнію Аста, Платонъ здѣсь слѣдовалъ воззрѣніямъ какихъ-нибудь
древнѣйшихъ философовъ, особенно Пифагорейцевъ; ибо подобное Платонову
ученіе мы встрѣчаемъ еще у Парменида, который крайнее кольцо, опоясываю-
щее весь зевиръ, называлъ коронадою. См. *Cicer. De Natur. D. I, 11*. Да и то,
что говорится о соотвѣтственности послѣдовательныхъ круговращеній, идетъ
также къ Парменидовымъ *στεφάνας περιπεπλεγμένας ἐπαλλήλους*. См. *Stob. Eclogg.*
Phys. I, p. 482, ed. Heeg. У Парменида вводится также понятія *Ἀνάγκη* и *Δίκη*, какъ
правительницы неба. *Parmen. Fragmentt. p. 42, ed. Fülleberg.* Были и такіе, ко-
торымъ настоящее ученіе Платона казалось близкимъ къ Филолаеву *περὶ ἐστίας*
τοῦ παντός; такъ какъ это *ἐστία* было у него *Διὸς οἶκος, βωμός τε καὶ συνοχὴ καὶ μέ-*
τρον φύσεως и называлось *Διὸς φυλακή*. *Plut. Placit. Philos. III, 11. Aristot. de coelo*
II, 13. Chalcid. ad Tim. p. 219.

² Веретено необходимости есть эмблема системы звѣзднаго міра. Чтобы по-
нять эту эмблему, надобно мысленно стать внѣ плоскости нашего экватора и
протянуть мировую ось такъ, чтобы діаметръ этого круга, коего центръ—земля,
относился къ оси, какъ малая ось веретена относится къ оси большой. Потомъ,
надобно представить себѣ веретено, подѣ формою, очень отличною отъ той, ка-
кую даютъ ему въ наше время: это не есть, какъ напримѣръ въ Германіи, фор-
ма, похожая на 8, или, какъ во Франціи, форма пораболическая, на двухъ око-
нечностяхъ заостренная; это скорѣе есть стрѣла однообразной величины, къ
серединѣ которой, по направленію къ нижнему ея концу, прикрѣпленъ отвѣсъ,
или пятка веретена, въ видѣ пустой сферы. Такая сфера, содержащая въ себѣ
семь другихъ концентрическихъ сферъ, представляетъ различныя сферы планетъ,
или различныя этажи неба, вращающагося около земли, утвержденной на самой
оси веретена.

третьей—четвертая, и наконецъ еще четыре; такъ что всѣхъ веретенныхъ пятокъ восемь, и всѣ онѣ, вложенныя одна въ другую, сверху являются въ видѣ сферъ, а сзади имѣють нераз-
Е. дѣльный видъ одной веретеной пятки, обхватывающей стрѣлку, которая проходитъ насквозь въ центрѣ чрезъ восьмую изъ нихъ. Первая и внѣшняя пятка образуетъ на поверхности сферу самую большую¹, шестая—вторую ея часть, четвертая—третью, восьмая—четвертую, седьмая—пятую, пятая—шестую, третья—седьмую, вторая—восьмую. Притомъ, сфера пятки наибольшей отличается разноцвѣтностію², сфера седь-

¹ Это отношеніе небесныхъ сферъ, вразсужденіи ихъ величины и движенія, по нашему мнѣнію, хорошо объясняетъ Фоксъ. Высшее, или внѣшнее (крайнее) небо, говоритъ онъ (Платонъ и Аристотель допускали восемь небесныхъ тѣлъ),—изъ всѣхъ самое обширное, потому что далѣе всѣхъ отстоитъ отъ центра, и въ своемъ объемѣ заключаетъ всѣ прочія. Величина же прочихъ небесныхъ тѣлъ опредѣляется уже сравнительно съ осьмымъ, такъ какъ составляетъ извѣстную его часть. Поэтому и говорится, что шестое небесное тѣло, по величинѣ, составляетъ вторую часть того высшаго, четвертое—третью, восьмое—четвертую, седьмое—пятую, пятое—шестую, третье—седьмую, второе—восьмую. Такимъ образомъ въ восьми тѣлахъ Платонъ находитъ восемь взаимно пропорціональныхъ интервалловъ: и такъ какъ всѣ тѣла совершаютъ соотвѣтственное своимъ величинамъ и разстояніямъ движеніе; то отсюда должна была происходить такъ называемая пифагорейская музыка небесныхъ сферъ. Такъ объясняетъ это мѣсто Фоксъ, и высшую сферу называетъ восьмымъ небомъ. Но Платонъ не соединялъ съ нею этого числа, а понималъ ее какъ *τὸν πρῶτον τε καὶ ἕξτάτον σφῆραδύλον*: восьмымъ же тѣломъ почиталъ, кажется, землю, помѣщенную у самой оси вселенной. Сравн. *Schleiermach.* p. 622. *Boeckh.* De Platon. System. Coelest. Globor. p. VI.

² Изъ восьми концентрическихъ сферъ, первая, внѣшняя, есть сфера неподвижныхъ звѣздъ; вторая—Сатурнъ, третья—Юпитеръ, четвертая—Марсъ, пятая—Меркурій, шестая—Венера (См. Tim. p. 38, гдѣ Платонъ допускаетъ такую же погрѣшность въ порядкѣ планетъ, ставя Меркурія выше Венеры), седьмая—солнце, восьмая—луна; а земля находится на самой оси системы. Чтобы замѣтить предѣлы этихъ планетъ, или ограничивающіе ихъ поясы, которые должны находиться непременно на экваторѣ каждой сферы, надобно смотрѣть на нихъ сверху. Эти свѣтлые и разноцвѣтные предѣлы, по Шлейермахеру, суть не иное что, какъ различные отблески планетъ (принимая въ расчетъ особенно зодіакъ), которыхъ круговое движеніе столь быстро, что можетъ образовать непрерывную ленту, какъ образуетъ ее описывающій одну и ту же орбиту раскаленный уголь. Что же касается до различной широты этихъ лентъ, то она зависитъ отъ того, что планеты и зодіакъ, не пробѣгая самаго экватора своей сферы, различнымъ образомъ наклоняются къ этому экватору. Отсюда цвѣта тѣхъ лентъ становятся соотвѣтствующими цвѣтамъ самыхъ звѣздъ. Зодіакъ представ-

мой—блистательностию, сфера восьмой сіяетъ цвѣтомъ отъ седьмой, сферы второй и пятой, похожія одна на другую, золо- 617. тистѣ первыхъ, третья цвѣта самага бѣлаго, четвертая нѣсколько краснаго, а вторая по бѣлизнѣ выше шестой. Пущенное веретено совершаетъ движеніе по тому же направленію всецѣло: но въ цѣломъ его составѣ, при круговращеніи, внутреннія семь сферъ тихо движутся въ противную сторону¹, и изъ этихъ самыхъ скорѣе идетъ восьмая, а слѣдующая за тѣмъ, вмѣстѣ со взаимными, то-есть седьмая, шестая и пятая, — медленнѣе; третья же, по движенію, какъ имъ кажется, вращается назадъ равномерно съ четвертою, четвертая — съ третьею, пятая—со второю. Веретено вертится между колѣнами Ананки. На каждомъ кругѣ его сверху сидитъ сирена² и, вращаясь вмѣстѣ съ кругомъ, издаетъ одинъ голосъ, одинъ тонъ. Изъ восьми же тоновъ составляется одна гармонія. Между тѣмъ вокругъ, въ равномъ разстояніи, сидятъ, каждая на С. престолѣ, другія три дочери Необходимости—парки, въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ, — Лахеса, Клото и Атропа, и подъ гармонію сиренъ воспѣваютъ — Лахеса про-

летъ различную цвѣтность, по различію звѣздныхъ оттѣнковъ, изъ которыхъ оны слагается. Седьмая сфера, — солнце, очень блистательна, восьмая, — луна и земля, освѣчивается ея блескомъ. Желтоватый оттѣнокъ второй и пятой сферы есть оттѣнокъ Сатурна и Меркурія. Бѣлизна третьей и красноватость четвертой сферы совершенно характеризуютъ видъ Юпитера и Марса.

¹ О двоякомъ движеніи неба см. Tim. p. 36 B sq. Веретено въ цѣломъ своемъ составѣ, или крайнее небо, — система неподвижныхъ звѣздъ, круговращается всегда однимъ и тѣмъ же образомъ, въ одномъ и томъ же пространствѣ, съ одною и тою же скоростью: но прочія семь, внутри его находящіяся тѣла, совершаютъ движеніе противоположное и движутся медленнѣе, хотя не всѣ равномерно. Изъ этихъ семи тѣлъ Платонъ самое быстрое движеніе приписываетъ землѣ; затѣмъ Меркурій, Венера и солнце движутся медленнѣе; еще же медленнѣе вращаются Сатурнъ, Юпитеръ и Марсъ.

² Платонъ на каждой сферѣ сажаетъ особую сирену, которая всѣ отдѣльные, производимые сферою звуки сливаетъ въ одинъ. Такимъ образомъ все небо круговращеніемъ своихъ шаровъ образуетъ восемь тоновъ—октахордъ. Изъ этого можно заключать, что Пифагорейцы составили музыкальный свой октахордъ, принявъ къ идеѣ гармоніи, какую должны производить восемь небесныхъ сферъ. *Aristot. de Coelo II, 9. Cicer. Somnium Scipion. 5. Macrob. in Somn. Scip. II, 2, 3. Nicomach. Harmon. I, 3; al.*

шедшее, Клото настоящее, Атропа будущее ¹. Клото, въ извѣстные промежутки времени дотрогиваясь правою рукою до веретена, чтобы принять участіе въ его вертеченіи, сообщаетъ ему движеніе внѣшнее; Атропа, то же дѣлая рукою лѣвою, способствуетъ движенію его внутреннему; а Лахеса въ пользу **д.** того и другаго движенія дѣйствуетъ преемственно обѣими руками. Итакъ, тѣ души, пришедши сюда, тотчасъ должны были подойти къ Лахесѣ. Здѣсь какой-то прорицатель сперва поставилъ ихъ въ порядокъ, потомъ, взявъ съ колѣвъ Лахесы жребіи и образцы жизней, возшелъ на высокія подмости и началъ говорить: Слово дѣвы Лахесы, дочери Необходимости. Души привременныя! вы вступаете въ новый періодъ смертнаго, смерть носящаго рода. Не геній будетъ избирать васъ, **е.** а вы выберете генія. Первый, кто получитъ жребій, первый избери жизнь, и къ ней будетъ онъ привязанъ необходимою. Добродѣтель не знаетъ владычества: каждый будетъ имѣть ее больше или меньше, смотря по тому, чтитъ ли ее, или уничижаетъ. Вина на избирающемъ; Богъ не виновенъ. Сказавъ это, онъ бросилъ на всѣхъ жребіи, и каждая душа, кромѣ Ировой, взяла тотъ, который упалъ подлѣ нея; **Иру** не **618.** было это позволено. Когда же жребіи были подняты, тотчасъ открылось, кто что получилъ. Послѣ того опять положилъ онъ предъ ними наземь образцы жизней, которыхъ было гораздо больше, сравнительно съ числомъ присутствовавшихъ душъ, и они были многоразличны: потому что тутъ предла-

¹ Шлейермахеръ замѣчаетъ: Клото, — парка настоящаго, сообщаетъ зодіаку и прочимъ неподвижнымъ звѣздамъ круговое движеніе. Атропа, воспѣвающая будущее, распоряжается планетными кругами, такъ чтобы между ними происходили извѣстные сочетанія и противоположности, которыя, какъ говорится въ Тимей, людямъ умнымъ предзнаменуютъ будущія событія. На Лахесѣ, паркѣ прошедшаго, лежитъ обязанность раздавать жребіи конечно потому, что всякая родившаяся душа принадлежитъ прошедшему, такъ какъ она уже жила: ибо, чрезъ рожденіе новыхъ душъ, не только не увеличивается число ихъ, но должны постоянно оставаться тѣми же самыми и различныя формы человѣческой жизни, и возвращаться періодически на поприще исторіи, вмѣстѣ съ періодическимъ круговращеніемъ небесныхъ тѣлъ. При этомъ всякой душѣ предоставлена лишь свобода избирать себѣ поприще, по времени избираемой жизни, либо должайшее, либо кратчайшее.

гались жизни не только всѣхъ людей, но и всѣхъ животных¹; тутъ находились даже тиранніи—иные пожизненные, другія — на срединѣ поприща прерываемыя, и оканчивающіяся то бѣдностію, то изгнаніемъ, то нищетою; тутъ были и жизни людей знаменитыхъ, изъ которыхъ одни должны прославиться видомъ, красотою, силою и подвигами, а другіе—происхожденіемъ и добродѣтелями предковъ; тутъ же—и жизни людей незнатныхъ, равно какъ и женщинъ. Но тутъ не былъ принимаемъ въ расчетъ рангъ души; потому что, избравъ иную жизнь, она необходимо должна измѣниться. Въ другихъ отношеніяхъ души были перемѣшаны — богатые съ бѣдными, больные съ здоровыми, а нѣкоторыя занимали средину между этими состояніями. —

Такъ вотъ здѣсь-то, какъ видно, все испытаніе человѣка, любезный Главконъ; и потому надобно особенно стараться о томъ, чтобы каждый изъ насъ, не заботясь о другихъ на- С. укахъ, былъ изслѣдователемъ и ученикомъ этой науки, лишь бы только освѣдомиться и открыть, кто въ состояніи доставить намъ способность и знаніе, какъ, чрезъ различеніе въ жизни добраго и дурнаго, всегда и вездѣ избирать жизнь изъ возможныхъ наилучшую, рассчитывая все, какъ теперь сказано, и рассчитываемое примѣняя къ добродѣтельной жизни, какова она бываетъ; какъ узнать, что такое красота, сопровождаемая богатствомъ или бѣдностію, въ какомъ состояніи D. душа дѣлаетъ зло и добро, что такое—благородство и неблагородство, частная и правительственная дѣятельность, сила и

¹ Замѣчаютъ, что у Платона состоянія жизни мужеской и женской, человѣческой и скотской предлагаются на выборъ всѣмъ душамъ безъ различія, что души самую свою природою не распредѣляются ни по поламъ, ни по разумности, и что различіе половъ, равно какъ отличіе существа разумнаго отъ неразумнаго, зависитъ не отъ души, а отъ того, какое тѣло избрала себѣ извѣстная душа. Но должно сказать, что вопросъ о причинѣ и происхожденіи полового различія между людьми у Платона нигдѣ опредѣленно не рѣшается; а относительно второго пункта мысль его такова, что души животныхъ тоже безсмертны и даже разумны; только въ настоящемъ своемъ тѣлѣ не могутъ обнаруживать разумности.

слабость, образование и необразованность, и все подобное, по природѣ, имѣющее отношеніе къ душѣ и приобрѣтаемое; — какъ узнать, что такое происходитъ отъ взаимнаго сочетанія сихъ свойствъ, чтобы изъ всего этого можно было рационально избрать относящееся къ природѣ души — худшую и лучшую

Е. жизнь, худшую такъ называемую, которая поведетъ душу такъ, что она станетъ несправедливѣе, а лучшую ту, которая сдѣлаетъ ее справедливѣе, все же прочее оставить. Вѣдь мы видѣли, что это избраніе есть важнѣйшее дѣло и для живущаго и для умершаго. Надобно идти въ преисподнюю, сообщивъ въ себѣ этому мнѣнію твердость адамантовую, чтобы и тамъ не ослѣпиться ни богатствомъ, ни другимъ подобнымъ зломъ, и, позволивъ себѣ тираннію или иныя такія же дѣла, не совершить множества невыносимыхъ преступленій и не пострадать еще больше самому, но умѣть всегда избирать жизнь среднюю между этими крайностями, избѣгая излишества на той и другой сторонѣ, — и въ этой жизни, по возможности, и во всей послѣдующей. Такимъ-то образомъ человекъ вѣкъ дѣлается счастливѣйшимъ!

Наконецъ, возвратившійся въ то время оттуда вѣстникъ объявилъ и слѣдующія слова прорицателя: кто приступитъ къ выбору и послѣ другихъ, лишь бы онъ сдѣлалъ выборъ благоразумно и жилъ строго; тому, все равно, предлежитъ жизнь пріятнѣйшая, а не худая. И начинающій избраніе пусть не будетъ безпеченъ, и заключающій его пусть не теряетъ бодрости. Какъ скоро сказалъ онъ это, — первый, кому выпалъ жребій, тотчасъ вышелъ и сказалъ, что онъ избираетъ величайшую тираннію. Безуміе и ненасытность не позволили ему

с. при выборѣ рассмотреть все достаточно; отъ него утаилась связанная съ этимъ избраніемъ судьба, что онъ пожретъ собственныхъ дѣтей и совершитъ другія беззаконія. Поэтому, размысливши на досугѣ, началъ онъ убиваться и горевать отъ своего избранія, и не хотѣлъ довольствоваться предсказаніемъ прорицателя, ибо не себя обвинялъ въ этихъ злодѣяніяхъ, а случай, геніевъ, и скорѣе все, чѣмъ себя. Между

тѣмъ онъ былъ изъ пришедшихъ съ неба, и первую жизнь провелъ подѣ благоустроеннымъ правленіемъ, только упражнялся въ добродѣтели по одной привычкѣ, безъ философіи. Потому-то и говорили, что изъ числа приходящихъ съ неба D. немало такихъ, которые попадаютъ, такъ какъ не упражнялись въ трудахъ: напротивъ, многіе прибывающіе изъ земли, такъ какъ и сами они трудились, и другихъ видѣли трудящимися, дѣлаютъ выборъ не съ набѣгу. Оттого-то въ отношеніи ко многимъ душамъ переименованіе добрыхъ и худыхъ событій бываетъ также и ради случайностей ихъ жребія. Вѣдь кто всякій разъ, приходя въ здѣшнюю жизнь, здраво философствовалъ бы, и жребій избранія выпалъ бы ему не въ числѣ послѣднихъ; тотъ, по тамошнимъ опредѣленіямъ, должно было бы, наслаждался бы счастьемъ не только здѣсь, но и путешествуя отсюда туда и обратно, совершалъ бы путь не земной и трудный, а гладкій и небесный. Стоило посмотрѣть, говорилъ онъ, на то зрѣлище, какъ всякая душа избирала себѣ жизнь. Это было зрѣлище жалкое, смѣшное и удивительное. 620. Выборъ совершался большею частію примѣнительно къ привычкамъ прежней жизни. Я видѣлъ, говорить, какъ душа, принадлежавшая когда-то Орфею, теперь избирала жизнь лебеда, по ненависти къ женскому полу, поколику принявъ смерть отъ женщины, не хотѣла, чтобы родила ее женщина; видѣлъ я и душу Тамира¹, избравшую жизнь соловья; видѣлъ и лебеда, обратившагося къ выбору жизни человѣческой; видѣлъ и другихъ музыкальныхъ животныхъ, сдѣлавшихъ, вѣроятно, такое же избраніе. Выпало тамъ одной душѣ избрать В. жизнь льва². Это была душа Аякса, сына Теламонова, которая, помня о судѣ касательно Ахиллесова вооруженія, не хотѣла сдѣлаться человѣкомъ. Сюда относится и душа Агамем-

¹ Мифическое сказаніе объ Орфѣе и о путешествіи его въ преисподнюю см. *Ovid. Metamorph. XI in.* Извѣстенъ также рассказъ о Тамирѣ, какъ онъ рѣшился состязаться съ музами и, побѣжденный ими, лишенъ былъ зрѣнія. *Homer. Iliad. II, 595.*

² Объ этомъ см. *Homer. Odyss. X, 540 sqq.*

нона, которая тоже, за претерпенныя страданія, была враждебна человѣческому роду и измѣнила свою жизнь въ орлиную. Получившая же жребій въ срединѣ душа Аталанта¹, засмотрѣвшись на великія почести, воздаваемые борцу, не могла обойтись, чтобъ не пожелать и самой быть борцомъ. Послѣ этого видѣлъ я, говорить, душу Эпіаса, сына Панопеева¹, шедшую въ природу женщины-художницы. Далекое между послѣдними видѣлъ я также душу шута Терсита, облекшуюся въ обезьяну. Но послѣ всѣхъ, получившихъ жребій, случай представился выбирать жизнь душъ Одессея. Помня прежнія безпокойства, она, безъ всякаго честолюбія, въ продолженіе не большого времени искала себѣ жизни человѣка частнаго, беззаботнаго, и съ трудомъ нашла ее, лежавшую гдѣ-то тамъ и презираемую другими; увидѣвъ же ее, сказала, что она тоже бы сдѣлала, еслибы и первая вынула жребій, и охотно избрала ее. Такимъ же образомъ и изъ всѣхъ звѣрей души переселялись то въ людей, то однѣ въ другихъ, и притомъ несправедливыя измѣнялись въ дикихъ, а справедливыя въ кроткихъ, и смѣшивались всякимъ смѣшеніемъ. Наконецъ, избравъ себѣ жизни по жребію, всѣ души въ порядкѣ предстали предъ Е. Лахесою. Она для каждой души, котораго какая избрала себѣ генія, того же самаго посылаетъ и стражемъ ея жизни и исполнителемъ ея намѣреній. Геній свою душу ведетъ сперва къ Клото, которая своею рукою и круговоротомъ вертящагося веретена утверждаетъ избранную по жребію судьбу. Прикоснувшись къ веретену, душа, подъ руководствомъ своего генія, идетъ къ прялкѣ Атропы, которая то, что порвалось, дѣлаетъ невозвратнымъ. Наконецъ отсюда уже, не оглядываясь назадъ, отправляется она къ престолу Необходимости и переходитъ черезъ него. Когда же перешли и другія,—всѣ онѣ предпринимаютъ путь въ долину Леты, палимыя жаромъ и

¹ Объ Аталантѣ чит. *Ovid. Metam. X, v. 560 sqq.*

² Эпіаса почитали строителемъ того деревяннаго коня, котораго Греки ввели въ Трою. *Hom. Odyss. VIII, 493. XI, 522. Virgil. Aeneid. II, 264.*

сильнымъ зноемъ; потому что тамъ нѣтъ ни деревъ, ни другой земной растительности. По наступленіи вечера, онѣ остановились на ночь у рѣки Амелиса, которой вода не удерживается ни въ какомъ сосудѣ. Поэтому мѣрою той воды, по необходимости, становится самое питье, и кто не соблюдаетъ В. благоразумія, тотъ пьетъ ее свыше мѣры; всегда же пьющіе эту воду все забываютъ. Когда, напившись, онѣ заснули,— среди полуночи загремѣлъ громъ, произошло землетрясеніе, и онѣ вдругъ рассыпались, которая куда—по мѣстамъ своего рожденія, какъ падающія звѣзды. Но мнѣ, сказалъ онъ, не было позволено пить воду. Какимъ образомъ и гдѣ вошелъ я въ тѣло, не знаю; но рано поутру открывъ глаза, я вдругъ увидѣлъ, что лежу уже на кострѣ.—

Вотъ какой разсказъ сохраненъ и не погибъ для насъ, С. Главконъ. Онъ и насъ сохранить, если мы повѣримъ ему и осторожно перейдемъ чрезъ рѣку Лету, не заразивъ своей души. Повѣривъ мнѣ и убѣдившись, что душа безсмертна и можетъ переносить всякое зло и всякое добро, мы всегда будемъ идти вверхъ и всячески упражняться въ справедливой и разумной дѣятельности, чтобы быть угодными и самимъ себѣ, и богамъ, пока живемъ здѣсь и готовимъ себѣ награды за D. эту жизнь, какъ побѣдители, съ торжествомъ идущіе туда, гдѣ, какъ мы говорили, совершая тысячелѣтнее путешествіе, будемъ наслаждаться счастьемъ.
